

Сергей Киреев

*Леонид Заманский:
человек без страха*

роман в стихах

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Владимирович Киреев Леонид Заманский: человек без страха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43610423

SelfPub; 2019

Аннотация

Роман в стихах московского поэта Сергея Киреева (р.1956). Главный герой живёт и действует в 80-90-е г.г. прошлого века. Была издана издательством "Академиздат", г. Новосибирск. Автор обложки: Е.Юркова, фотоматериал: Л.Кикоть. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	4
Первая часть	7
Вторая часть	112

Предисловие

Здравствуй, читатель, перед тобой – произведение в редком жанре (роман в стихах). Кроме пушкинского «Евгения Онегина», я не знаю стихотворных романов, представляющих из себя что-то значимое, хотя, возможно, такие романы и есть. Я в смысле мастерства и творческого масштаба всегда хотел походить на А.Пушкина, как, наверное, любой литератор, пишущий в рифму – все хотят, но не у всех получается. Мой роман – заявка на определённое место в нашей русской литературе, на то, что у меня-то как раз получается. Заявку сделать – проще некуда, дальше жизнь неизбежно определяет, кто ты есть на самом деле. Для этого я к тебе, читатель, и обращаюсь: читай мой роман и говори, кто я есть, с большой степенью вероятности я тебе поверю.

Итак, роман этот я написал большей частью для себя, чтобы своё «я» показать. Люди посмотрят и скажут, как оно в действительности дело обстоит.

Но любимое моё слово в русском языке – «мы». Роман – о нас, с кем я в конце восьмидесятых и в девяностые годы прошлого века работал под руководством выдающегося человека – Леонида Заманского. Так что роман написан ещё и для моих друзей того времени, с кем мы вместе трудились, боролись с врагами, помогали друзьям, веселились, зарабатывали.

вали деньги, теряли их, снова зарабатывали и снова веселились, чего долго грустить? Кроме Леонида Заманского, все мои герои в той или иной степени – вымышленные персонажи, но в некоторой степени и не вымышленные, сам же Леонид – яркая историческая фигура того времени, человек, создавший много бизнесов из ничего, на ровном месте, исключительно в силу своей энергии и своего таланта. Он творил добро на моих глазах – помогал раскрыться в полной мере тем людям, что приходили к нам на работу – сначала в кооператив «Эхо», затем в советско-австрийское предприятие «Геософт», затем в фирму «Геолинк», группу «Алеф» и т.д. Он занимался благотворительностью тогда, когда и слово-то это ещё толком не звучало – помогал людям деньгами, советами, действиями, а, самое главное – давал шанс на самореализацию практически каждому, с кем его сводила судьба. Он создавал новую Россию, пусть это и звучит громко и пафосно. В общем, роман я написал и для него тоже, пусть Россия знает, кто её создавал. Мне очень нравится то, что сделали такие люди, как Л.Заманский, т.к. мои земляки – молодые люди того времени, выращенные и воспитанные Лёней, у меня до сих пор в большом авторитете, они продолжают активно работать и учат никогда не сдаваться тем, кто приходит им на смену.

Искать какие-то совпадения в описанных мной и имевших место в действительности событиях бесполезно, т.к. их было столько, что на много книг хватит. То, что я написал – не

документальное, а художественное повествование, из этого и надо исходить, читая эту книгу.

Сергей Киреев

Первая часть

-1-

Ну чего? Расскажу всё, как было:
Жизнь плелась, как хромая кобыла,
Как по прерии пьяный ковбой, –
Мы на службу послушно ходили,
Бормотуху по праздникам пили,
Хрень какую-то в речке удили,
Песни пели взахлёб, вразнобой.

Что такое эпоха застоя?
Это тихое время, простое,
Без особых примет и причуд, –
Все расклады ясны изначально:
Не высывай нос, и нормально –
В смысле вряд ли его оторвут.

Я пахал день и ночь, словно зомби,
И однажды мой друг, Игорь Гомберг,
Как бы так от балды, невзначай,
Позвонил, типа, есть тут товарищ –
Влип конкретно. А ты в этом шарись,
Ты с ментами Вась-Вась. Выручай.

Что ж, ребята, известное дело:
Кто свои – заходи ко мне смело,
Это суть и основа основ –
Хоть вообще вне закона, хоть кто вы,
Я всегда к диалогу готовый
С дружбанами моих дружбанов.

Я не блистал ораторским талантом,
Я больше слушал и на ус мотал,
Я был таким внештатным консультантом –
Вопросы, типа, разные решал.

Товарищ тот, кому задали жару,
Который влип, пришёл ко мне домой –
В берете набок, как у Че Гевары,
Спортивный, ладный, жилистый такой.

Итак, знакомьтесь: человек без страха,
Потом со мною съевший соли пуд,
Поскольку жизнь была у нас не сахар,
Заманский Лёня – так его зовут.

Он первый был и главный по России,
Да по всему Союзу поставщик!
Меня его масштабы поразили,

Я их мозгами так и не постиг!

Гитары, синтезаторы «Ямаха»
И весь подобный профильный товар,
Пьянея от азарта и размаха,
На сотни тысяч Лёнка продавал –

Не в год, в неделю, – жизнь острее перца,
В которой уцелей ещё поди,
Он вёл годами, словно вместо сердца
Какой-то там вулкан в его груди

Горел, бурлил, пылал, не угасая,
И даже мне заметно горячей
Вот так вот стало, вдруг. За полчаса я
В его проблему вник до мелочей.

Его накрыли, вывели из тени,
Подручных взяли всех до одного.
Он рассказал без всякой мутотени
Историю провала своего.

-2-

Склад добра на дому для продажи
Он держал, был на стрёме, на страже,
И облава, как ядерный гриб,

Слева, справа его, с фронта, с тыла,
С головой, с потрохами накрыла –
Перехлест, как бы так, перегиб!

Как бы этак его долбанула
Жизнь бревном по горбу. Даже скулы
Понятным от похмелья свело –
Обыск шёл семь часов. Всё забрали.
И в тоске трепыхалось, в печали
У майора кривое мурло.

Он сказал: «Тунеядец ты, Лёня!
Ну чего ты в углу, как на троне,
На своей табуретке сидишь?
Люди в космос геройски летают,
Пашут, сеют, моря покоряют,
Ты же только деньгой шелестишь!

Для чего ты живёшь? Для наживы,
Для буржуйских услад!» «Да пошли вы!» –
Лёня грохнул об стол кулаком,
А в ответ ему: «Вместе и выйдем.
План готов. Первый пункт очевиден –
Мы тебя на допрос повезём».

И вдруг подельщик Лёни, с кем крутил он

Свои дела, вошёл к нему: «Привет!»,
И тут же в лапы к этим крокодилам
Попал, как говорится, на обед.

Они сперва приветливо кивали,
Потом его и Лёньку вместе с ним
В железные браслеты заковали:
«А вот теперь, друзья, поговорим!»

И в КПЗ, где стены цвета хаки,
На них наехал опер, словно танк,
И Лёня, мастер яростной атаки,
Сказал себе: «Ну, всё, иду ва-банк!»

До нервных спазм, до судорог на рыле
Он на ментов орал, что их майор
Специально тут нагнал пурги и пыли,
Что он и есть подлец и главный вор,

Мол, понятые с ним в привычном стиле,
Уроды и козлы, ходячий бред,
На обыске в клозете водку пили,
А сам он, гад, заныкал мой берет!

«Я в КГБ на вас подам заяву,
Вам там прочистят, падлам, все мозги!

Я там у них по родственному праву
Имею кой-какие рычаги!»

Полкан, что всех главней, устав от крика,
Задумался: а кто он, этот псих?
Да и берет вообще-то был заныкан –
Не удержался кто-то из своих!

И вот статью подельнику вменили –
Раскрыт по полной крупный эпизод!
А Лёню под расписку отпустили,
Что он потом по вызову придёт.

-3-

Снег тяжёлый за окнами сыпал,
Лёня паузу взял, чаю выпил,
Лёня знал: будут битвы, бои –
Злые, долгие с ними со всеми.
Я сказал ему: «Самое время
Перспективы прикинуть твои.

Да, ты взял их на понт. Получилось.
Словно что-то слегка отключилось
У ментов по щелчку в голове.
Только ты по-любому на мушку
К ним попал. Будет топтать наружка

День и ночь за тобой по Москве.

Для чего? Чтоб законно, по праву,
Снова-заново в ходе облавы
Раскулачить тебя в пух и прах.
А потом – как надрез по живому –
Скорый суд, срок, этап – ничего, мол,
Перебьёшься на первых порах!»

Лёня брови густые скукожил:
«А чего на вторых?» «Да всё то же,
И на третьих порах, и всегда –
Всё захватать, отнять – их задача,
Чтоб скулил ты и выл по-собачьи,
Всё иное – обман, ерунда».

«Такие вот дела, – сказал я Лёне –
Чтоб им от пуза сладко есть и пить,
Они тебя достанут и на зоне,
И будут до последнего доить».

«Не, мне туда не надо, – он ответил, –
Другой несу я в сердце идеал».
И я ему про их силки и сети,
Про хитрые капканы рассказал.

При Брежневe, Андропове, Черненко
Я рядом с этой братией служил,
Особенности все их и оттенки
Я Лёнке тут же, с ходу разложил.

«Там нет лохов, забудь, ты слышишь, Лёня?
И если ты отважный, как Чапай,
Засунь свою отвагу – ну, ты понял,
И сам себе могилу не копай!...

Ты должен мыслить холодно и сухо,
Загривком, шкурой чуют их, хребтом,
Ногтями, каждой клеткой, волчьим нюхом,
Но всё равно шагать своим путём».

Мы план с ним набросали, где скрываться,
И как оттуда вовремя свалить,
Чтоб лишний раз уже не нарываться,
А из подполья бизнесом рулить.

В окне растаял сумрак предрассветный,
У Лёнки рассосался первый шок.
Не то, чтоб я помог ему конкретно,
Но кое от чего предостерёг.

Должны же для грядущего потомства

Героев сохранять имена.
Такая вот история знакомства
С Заманским Лёней вышла у меня.

-4-

Нам тогда было ясно обоим,
Что не стал ещё Лёнька героем, –
Он работал, как зверь, день и ночь, –
Стиль простой – делай так-то и так-то,
Чтобы в ходе рабочих контактов
Воду в ступе зазря не толочь.

Мы два года почти не видались,
По отдельности с жизнью бодались,
И как будто ударила всем
По мозгам спиртовая настойка:
То да сё, Горбачёв, перестройка,
Мирный курс, миллион новых тем.

Он меня отыскал: «Ну, здорово!
Вроде всё и не так уж ...
Не смогла меня жизнь повалить!
У меня с ней особые счёты.
Приглашаю тебя на работу –
Безопасностью будешь рулить».

«Как? Чего?» – я спросил для порядка.
Он ответил, смеясь: «Ой, не сладко
Быть со мною вблизи – тяжкий труд!»
Я, признаться, недолго ломался –
Не с Луны ведь свалился, не с Марса –
К Лёньке дважды, я знал, не зовут.

Известный мастер дружеских объятий,
Он сам в них, как рыбак под лёд, попал –
С австрийцами совместных предприятий
Пятнадцать штук почти что наклепал.

Из них двенадцать сразу дали дуба,
Как будто в них железный вбили крюк,
Там было всё бездарно и беззубо.
Там комиссарил Лёнькин старый друг.

Пропало всё, и никакой зацепки!
Исчез недавно купленный металл,
Компьютеры, столы и даже скрепки.
И друг куда-то в Штаты умотал.

Две фирмы тоже быстро околели,
Осталась из пятнадцати одна,
Вот с ней мы и пошли к великой цели,
Ни отдыха не ведая, ни сна.

Сомнения свои, как мелких мошек,
Давили мы, как плесень на бревне, –
От синхрофазотронов до матрёшек
Поставки наши были по стране.

При Лёньке всякий сброд любил болтаться –
Он всем принципиально шанс давал,
Сказав мне ничему не удивляться,
Но, если честно, я охреневал.

К нему такие клоуны порою
Насчёт партнёрства выгодного шли,
Что гнать бы их к чертям стальной метлою,
Но не было её. Не завели.

Он был как дуб, они – как стая белок,
Что скачут по нему среди ветвей.
Но был стабильный плюс по сумме сделок,
И Лёня веселился: всё О'К!

-5-

Жизнь текла. Бизнес двигался в гору,
Люди шли к нам гурьбой по набору,
С кем по смыслу имелось родство.
Лёнькин стиль – он простой: скорость, сила!

Нас под сто человек уже было.
Он царил. Мы любили его.

Он нормальных понятий держался –
Он не только с чужими якшался,
Он своим заработать давал,
А про грёбанных этих партнёров –
Дураков, подлецов и позёров –
Нам реальный расклад рисовал:

Так устроено, мол, у природы:
Девяносто процентов – уроды,
Восемь-девять – кромешная мгла,
Но один-то процентик всегда ведь
Может в нужное русло направить
Наши мысли и наши дела.

Жизнь текла. Мы дивились на Лёньку:
В производство уже потихоньку
Мы залезли. Теперь каждый день
Наши парни в глубоком подвале
Непонятную мне собирали
Электронную всякую хрень.

И я в приборах этих ни бум-бум!
Я мастер, спец в аккордах на гитаре,
А в вольтах и амперах – тугодум.

Но с нашими парнями непростыми
Я в суть вещей проник потом слегка:
Еженедельно перед выходными
Я ставил им поллитру коньяка!

Они мне разъяснили эту тему,
Я был у них прилежный ученик,
Какую-то, вон, даже микросхему
Я в первом приближении постиг.

И вот очередное чудо-юдо
Явилось к Лёньке – целый коллектив –
Пять человек – пришли и просят ссуду,
Уже чего-то с кем-то замутив.

«Куда ж у вас, – спросил он, – сердце рвётся?
Какие вам мерещатся призы?»
«А слово есть такое – лозоходцы!
Мы ищем воду с помощью лозы! –

Вот так они в ответ ему сказали,
Галдя весёлым хором вразнобой, –

Нам этот способ предки завещали,
Где дефицит воды, там мы с лозой!

Под глинообразующей породой
Мы водный горизонт всегда найдём,
Поскольку мы «на ты» с родной природой!
Мы здесь любые бабки отобьём!

Старинные секреты применяя,
Мы можем завсегда вопрос решить,
Ведь без воды помрёт страна родная,
При том, что ей ещё бы жить да жить!

Сравни нас хоть с Америкой, с Китаем,
Наш способ эффективнее в разы.
Мы круче всех. Мы это точно знаем.
Мы ищем воду с помощью лозы!»

-7-

И сказал озадаченный Лёня:
«Или что-то я тут недопонял,
Или надо ещё раз спросить:
В чём прикол?» И ответ получил он:
«Нам в любом лабиринте по силам
Отыскать путеводную нить».

«Леонид, скептицизм неуместен –
Их старшóй заявил, – дело чести,
Чтобы мы показали свой класс!
Сразу несколько водных артерий
Мы найдём, и на ихнем примере
Вся Россия узнает про нас!

И заказы пойдут отовсюду,
Мы погасим её, эту ссуду,
И совместно уже будем впредь
С вами тыщи косить, миллионы,
И на нас, прямо как на иконы,
Будут люди в журналах смотреть!»

Лёня, сказками вдоволь насытись,
«Хватит, парни – сказал, – от...тись!»
Он пять тысяч советских рублей
Лозоходцам вручил: «Вот вам, с Богом!»
И пошли они вдаль лесом, логом, –
Да, с деньгами оно веселей!

Я спросил его: «Лёнь, ты рехнулся?»
Он опять, как всегда, отмахнулся:
«Пусть попробуют делать дела!»
Но они к нам обратно вернулись
Через день. Или попросту сдулись,

Или пьянка большая была!

Их старший, от похмелья погибая,
Пустил скупую мутную слезу:
И, помолчав, сказал: «Тут хрень такая –
Мы срезали ножом не ту лозу!

Поэтому и нету результата,
Поэтому и пили мы три дня.
Не то, чтоб мы совсем не виноваты,
Тут более глубокая ...ня!

Не всем присуща истинная святость.
Да, это был пилотный наш проект.
Да, в нём была своя шероховатость,
Когда нам перемкнуло интеллект.

Бюджетец был у нас немного хлипкий.
Повторный выход нужен, без обид.
Мы в этот раз исправим все ошибки.
Ещё три тыщи можно, Леонид?»

Пропеть «Шумел камыш, деревья гнулись»
Он попытался, сволочь, но не смог.
Он деньги взял. И вновь они вернулись –
Не деньги, люди. Мрачен был итог.

Они полезных данных не добыли
Насчёт там где, куда течёт вода.
Они два раза тупо всё пропили
И канули с концами навсегда.

Признаться, я хотел им сесть на пятки, –
Догнать, достать. Но Лёня мне сказал:
«Я дал им шанс. А, значит, всё в порядке.
Забудь про них. Своих тут дел завал».

И в небеса, в окно куда-то глядя,
Он напоследок тихо произнёс:
«Не лозоходцы вы, а просто б...
Из-за таких тут всё наперекос».

-8-

Он зрачки свои чёрные сузил.
Он сказал, что в Советском Союзе
Не осталось уже ни хрена
У людей никакой дисциплины,
И плывёт в никуда вроде льдины
По течению наша страна.

«Эта льдина однажды растает, –
Он вздохнул, – а причина простая:

Мудаки – наша вечная боль.
Да, всё криво кругом, наизнанку, –
Вот и я проспонсировал пьянку, –
Так теперь получается, что ль?

Ладно, братцы, долой рефлексию,
Я люблю всей душою Россию,
Пусть она без цепей, без оков,
Вдаль плывёт, вся такая громада,
Сквозь ненастье и тьму, куда надо,
И чтоб не было в ней мудаков».

Это я процитировал Лёню,
Чтобы ясно, к чему он всё клонит,
Было тем, кто на б...во и чушь
В телевизоре смотрит часами.
Хоть и бьётся в груди его пламя,
Лёня логике вовсе не чужд!

А я провёл пошаговый анализ,
И я в конечном счёте угадал:
Посредниками, суки, оказались,
Те клоуны, кому он денег дал.

Знакомый опер мне шепнул на ушко
Одну из неприятных новостей:

Они со всех лохóв сдирают стружку,
Разводят вас, кретинов, как детей!

Но вот уже нырнул к нам, как в колодец,
Пришёл свои замаливать грехи
Аутентичный, как бы, лозоходец,
Нормальный, настоящий, от сохи,

Точней, от рамки из лозы ивовой.
«Простите! – он с порога завопил, –
Не в том мой грех, что тесно в ней, хреново,
А в том, что я с посредниками пил!»

Лоза там, ива – это дело вкуса.
Он показал невиданную прыть,
Он начал бани из бревна и бруса
На деньги нашей фирмы возводить.

Он в рынок всеми зубьями вгрызался,
И даже я был вынужден признать,
Что он нормальным парнем оказался,
Да самому Заманскому под стать!

И не сказать, чтоб так уж с перепоею
Бесился он, буянил, щурил глаз:
«Я всю страну от копоты отмою

В тех банях, что я строю на заказ!»

В закатном небе тучи, словно тряпки,
Тихонько тлели. Лёня нам сказал:
«Нет, мы не потеряли наши бабки,
У нас успешный бизнес стартовал!»

-9-

Да, таков мой начальник, ребята,
Он любую утерю, утрату
Всё равно превратит в капитал.
В этот раз, как всегда, получилось,
Но другая беда приключилась:
Программист наш куда-то пропал.

Он у нас был в особом почёте,
Он, как факел, горел на работе,
А потом потихоньку остыл.
Назовём его так: Коля Пронин.
Я, надеюсь, читатель, ты понял,
Что фамилию я изменил.

Лёня был в это время в Париже.
Я ему позвонил. «Так ищи же! –
Заорал он, – исчез? Ну и ну!
Ты ж у нас аналитик и сыщик,

А что версий в башке до хренища,
Ты найди основную, одну!»

В этом деле звездой или солнцем,
Охренительным Шерлоком Холмсом
Как-то даже я не был, но вот
Будто током насквозь мне прошло
Пол-башки. Будто острое шило
Мне вошло между рёбер в живот.

Я вспомнил, как однажды Коля Пронин
В курилке, отдыхая от забот,
Спросил: «А где Мичурин похоронен,
Известный наш советский садовод?»

Никто не знал. Никто и не ответил.
«Зачем тебе?» – и Коля объяснил:
«Из всех людей, кто жил на этом свете,
Лишь только он один меня пленил!

Душою и талантом – умник, гений!
Умнее в мире нету никого!
Он столько навывращивал растений,
Что хрен вы переплюнете его!

Хочу, – сказал, – почтить его могилу,

Хочу букет на мраморной плите
Оставить, чтоб душе спокойно было,
Как птицам в поднебесной высоте!»

Признаться, мы немного удивились.
К чему бы это всё? «Послушай, Коль,
Нам кажется, тут вредный фактор вылез –
А именно чрезмерный алкоголь.

Ну кто в нормальном виде, не под пыткой
Нести способен такую хрень?
Лишь у кого от крепкого напитка
Мозги немного сносит набекрень».

Мы как-то даже были в лёгком шоке,
Когда он нам сказал, что у него
Растут на огороде артишоки,
В которых мы не смыслим ничего.

Мы многого не знаем в этой жизни,
И Коля пояснил, что, мол, они
Цирроз предотвращают в организме,
А это актуально в наши дни.

Я все факты собрал воедино –
Тут не просто одна болтовня,
Тут проклянулся контур сюжетный –
Это я объясняю конкретно,
В чём и как осенило меня.

Он же дачник! А что это значит?
Что искать его надо на даче!
Там какой-никакой огород –
Может, он там наткнулся на вилы,
Или балка его придавила
В ходе срочных ремонтных работ,

Или даже коза забодала –
Там свои отморозки, вандалы!
Или шмель, агрессивный подлец,
Укусил его, нашего Колю,
И тоска у него поневоле,
Что уже ему крышка, конец!

Вон как всё я распутал, расчислил,
И в каком-то, наверное, смысле
Шерлок Холмс я по складу ума!
Да, дедукция – дело такое,
Что как начал кумекать башкою,
Всё решит она дальше сама!

Короче, в этих мыслях, в тот же вечер
Я встретил Лёню в аэропорту,
И мы с ним понеслись, мотор калеча,
В какую-то глухую темноту.

От скорости, казалось, даже пламя
Беснуется у нас под колесом,
И Лёня, впившись в руль, скрипел зубами:
«Держись, Колюха, мы тебя спасём!»

Поскольку против лома нет приёма,
Я захватил с собою некий ствол,
Который я на рынке возле дома
Недавно по дешёвке приобрёл.

Держать в бою равнение на знамя
И топать без оружия вперёд
Непродуктивно, если вдруг с ломами
Тебя встречают люди у ворот.

Что ж, два часа, и мы почти у цели –
Заросший старый пруд, густая рожь,
Посёлочек – и мы в него влетели –
Дубки там, что ли, Горки, хрен поймёшь.

И сразу – бряк! В какое-то болото,
В разлившуюся грязь, точней сказать,
Мы плюхнулись, аж даже неохота
Теперь про всё про это вспоминать.

Кругом одна сплошная темнотища.
Мы вылезли, и, жалок, одинок,
На нас глядит, как будто что-то ищет
С пригорка непонятный огонёк.

Что ж, нам туда, ведь знают даже дети,
Что в темноте прокладывать пути
Имеет смысл лишь там, где что-то светит,
Куда хоть как-то можно доползти.

-11-

Мы за час доплелись. Скромный домик
У обрыва стоит, словно гномик,
Мы в него потихоньку вошли.
Мужики за столом выпивают
И романс под гармонь исполняют,
Что цветы, мол, в саду отцвели.

Я немного знаком с этой темой.
Там не просто цветы – хризантемы,
Там серьёзное дело, любовь!

Серый кот среди хлама и сора
Спит, подлец. И участники хора
Нам по полной налили без слов.

И, махнув стопаря для сугрева,
Мы включились по ходу припева –
Так сказать, поддержали вокал!
Я гляжу, а в углу у окошка
Коля Пронин рубает крошку –
Программист наш, который пропал!

Мы к стене его с Лёнькой припёрли:
«Руки вверх!» Он мычал, будто в горле
Перекрыли ему кислород,
Будто рот залепили замазкой,
И сказал ему Лёня Заманский:
«Ты чего натворил, идиот?

Который день уж только нам и снится,
Что где-то ты один – вдали, в беде.
Твоя жена все морги и больницы
Обшарила, но нет тебя нигде.

Без смысла, как абстрактная скульптура,
Компьютер на работе твой стоит,
Залита коньяком клавиатура,

И пивом, и портвейном стол залит.

На то свои особые причины:
Стеная втихомолку и скорбя
Ввиду твоей безвременной кончины,
Твои коллеги пили за тебя.

Они потом на закуску поднажали,
Пошли, как говорится, напролом, –
Системный блок царапая ножами,
Они селёдку резали на нём.

Для них-то было всё как на ладони,
Раз нет тебя – отсюда этот шаг!
Из-за тебя, выходит, Коля Пронин,
У нас теперь с оргтехникой бардак».

Тяжёлый, рыхлый, серый, словно студень,
Табачный дым нам глотки забивал.
«Ты нам скажи, а кто все эти люди, –
Спросил я Колю, с кем ты выпивал

Все эти дни, с кем был душевно близок,
В салат кромсал солёный огурец,
И сам-то не мираж ли ты, не призрак,
И где твоя машина, наконец?!»

И зубы, как патроны в патронташе,
Забрякали в его раскрытом рту.
Он улыбнулся: «Там же, где и ваша, –
Ушла на дно, в пучину, в темноту»

-12-

Он сказал: «Я по делу на дачу
На полдня завернул. Я не трачу
Драгоценного времени зря.
Еле-еле последние мили
Я проехал – дожди молотили
Всю неделю в конце сентября.

Хоть бы как доползти – не до жиру;
Лужи, лужи, как чёрные дыры,
А одна, вон, размером с Байкал,
Ну, почти что с него, и в неё-то
Я на спуске, в конце поворота,
Как последний придурок, попал.

И под ветра осеннего вопли
«Жигули» мои сразу утопли,
Я пошёл вместе с ними на дно.
Всё не так под водой, всё кривое,
Я окно выбивал головою,

Бог со мной был в тот день заодно.

Это факт, потому что я вылез.

Там мальки надо мною глумились:

«Не спеши, оставайся, чудак!»

Ну и что мне сказать теперь, братцы –

Что в России нельзя расслабляться?

Так ведь это все знают и так!»

Короче, где-то он в далёкой дали

Нашёл и трос, и трактор, кинул клич

Парням, которых мы и увидали,

Приходящих Колькин магарыч.

Да, вот они, нормальные ребята, –

Бульдозерист, механик, комбайнёр, –

Димон, Петруха, Зотовы – два брата,

Витёк и Васька – в общем, весь набор.

Там всё, что надо, булькает в бокале.

Нам предложили рядышком присесть.

«Ребята, выручайте, – мы сказали, –

За нами не заржавит, деньги есть».

Димон ответил: «Есть альтернатива –

Ваш Колька научил меня словам,

Звучащим непривычно и красиво,
Так вот я расшифровку лучше дам.

Вы можете ответственно и смело
Уважить наш рабочий коллектив,
А можете избрать – тут ваше дело –
Любую из других альтернатив –

Сидеть тут месяц, два, и три, и десять,
И ждать, когда всё высохнет вокруг, –
Меня и самого порою бесит
Наш климат, тот, который чёрту друг!

Короче, братцы, ставь ещё посуду,
Бери тарелку с лакомым куском,
Иначе ваши тачки так и будут
Лежать, как корабли, на дне морском!

Тут надо курс выдерживать весёлый,
Чего там? пировать – так пировать!
Нам предстоит вопрос решать тяжёлый –
Машины из болота доставать!

Деньги что? Да, без них грустновато.
Только в них, как в какую-то вату
Всё уходит, как в зыбкий песок –

Честь и совесть, любовь и свобода,
Наша жизнь, наши лучшие годы –
Всё там колом встаёт, поперёк».

-13-

Да, Димон не дурак. Кто-то даже
Скажет мне: «Ну и сплёл же ты пряжу,
Ну и выдумал ты персонаж!» –
Типа, в жизни таких не бывает,
А сама их она зарывает
В яму, в землю за ихнюю блажь!

Что ж, и ладно, и нечего спорить
С тем, кто чушь несусветную порет.
Я на пьянку согласие дал
С непосредственным нашим участием,
И Заманский, ломая запястья,
До утра всем подряд наливал!

Мы в итоге доели, допили;
Мы, конечно же, им заплатили,
Я исполнил прощальную речь
В честь проделанной сложной работы –
Всё же парни смогли из болота
Наши чёртовы тачки извлечь!

«Сказал – ответь делами! – вот их кредо, –
Не то всё будет наперекосяк!»
Мы захотели с Лёнькой напоследок
Посёлок посмотреть, чего и как.

«Смотри, Серёга, сюр, – сказал мне Лёня, –
Рука взлетела лёгкая его, –
Я думал, лес там, луг, пасутся кони,
Но нету там такого ничего».

Сюрреализм в искусстве уважают.
А в жизни он не то, чтобы изгой,
Он суть её, изнанку отражает
И потому пугает нас порой.

Мы с Лёней его близко увидали, –
И правда страшновато стало нам:
Лежат себе какие-то детали –
Загадочный, дурацкий ржавый хлам –

До горизонта, сколько видно глазу,
В какую-то всё сбито кутерьму,
И даже не поймёшь вот так вот сразу,
Что именно, зачем и почему.

Рассвет висит зловещий, цвета йода,

Земля под ним – чернее всех чернил.
...Димон исполнил роль экскурсовода –
Подробно всё, как есть, нам объяснил.

Он с гордостью сказал нам, что немало
Там, вдалеке, среди высохших осин,
Подшипников коленчатого вала
И даже новых газовых турбин.

Бери что хошь – тут явно мир загробный,
Всё списано к чертям давным-давно.
И я сказал: «Да как-то неудобно,
Пусть даже всё бесхозное оно».

Но знатный комбайнёр Витёк Семёнов
Нас попросил напрасно не дурить:
«Я вам набор продольных лонжеронов
Могу на память лично подарить».

...Как старый слон, задумчивый и сонный,
В кустах саванны спрятавший башку,
Свеклоуборщик собственной персоной
Лежит в чертополохе на боку.

И не сказать, что скопище уродов,
Но всё же инвалиды, рвань и голь,

Комбайны для уборки корнеплодов
Покрыты мхом, раздолбанные в ноль.

Читатель, ты прости, я с ритма сбился,
Размер главы немного потерял,
В меня сюрреализм когтями впился,
Мозги мои на части разодрал.

Мне не снискать художественных лавров,
Как портретист, зачах я на корню,
Но этих вот железных динозавров
Я в памяти, в душе своей храню.

Нет, тут не просто сюр – обычный, скромный,
Как на картине, где ни то, ни сё,
А весь такой расширенный, огромный,
Он даже высший смысл в себе несёт –

Что было всё и никуда не сплыло,
Лежит себе спокойно на земле –
Серьёзная такая дремлет сила,
А мы вокруг галдим навеселе.

У Кольки в сумке звякали бутылки,
Он хоть морально вроде и воскрес,
Но сфоткаться на фоне молотилки

Не смог, поскольку всё же был не трезв.

А вот Васёк, подумав о сюрпризе
(Имея также цель его обмыть),
Нам подарил четырёхтактный дизель,
Спросив, чего ещё нам подарить.

-14-

Время ехать. Пора расставаться.
Уважуха и буря оваций
Им, нормальным весёлым парням,
Что напитками нас пропитали,
Что машины из грязи достали
И скучать ещё будут по нам.

И спросил у них Лёня, прощаясь:
«Я, ей-Богу, ребята, отчаюсь,
Если сам для себя не пойму –
Почему она вся развалилась,
Эта техника, что с ней случилось,
Что она не нужна никому?»

И ребята сказали: «Когда-то
Был колхоз наш большим и богатым,
Нам запчасти свозили в ремонт.
СССР пока есть. Нет колхоза.

В день по литру – рабочая доза,
Это видимый наш горизонт.

Ты, вот, Лёня, в Москве проживаешь.
Ты работать людей заставляешь.
Что ж, ни пуха тебе, ни пера.
А у нас тут простые расчёты:
Ни села, ни людей, ни работы,
Потому и стоят трактора».

Светлело небо в утренней прохладе,
Сходил на нет, кончался звёздный бал.
Димон в Кассиопею шутки ради
Подшипником швырнул, но не попал.

Он нам сказал: «Купите эту свалку!
Здесь даже птицам боязно летать, –
Они от страха скорость и дышалку
Не в силах тут надолго удержать».

Какой-то, что ли, грач, не то он филин,
Однажды посмотрел, и всё – того!
Вошёл в пике – испуган, обессилен,
И никогда не вышел из него!»

Друзья Димона Лёньку подкололи:

Ты старший, типа, маршал, генерал,
Возьми его хоть как, хоть даром, что ли,
Убитый этот, брошенный металл!

Давай, решай, и – с Богом, поднатужась,
Хоть и учили нас, что нет Его.
Вокруг, пока он жив, железный ужас,
Не будет никогда и ничего.

Ну, что ж, у Лёни принцип: делать дело!
Желательно, со всеми и везде.
Ну вот и здесь душа его запела:
«Кому платить? – спросил их Лёня, – где?

Там вроде бы какая-то контора
Вблизи холма». «Хорош, – ему в ответ, –
Там раньше человек сидел, который
Был всем нам враг. Его там больше нет.

Он по одной всегда и той же схеме
Строчил доносы. Больше не строчит.
Их не читал никто. Другое время.
И он тогда скончался. Суицид».

Сквозь окошки разбитые глянул:
«Ну и где тут приём платежей?»
Он нормальный пацан, понятийный,
Только всё заросло паутиной
В этом доме из двух этажей.

Зябко. Пусто. Темно. Нету власти.
Лишь крыльцо, словно челюсть из пасти,
Из поломанной стенки торчит.
«Эй! Ау!» Никого. Видно, где-то
Человек тот, глава сельсовета,
На том свете доносы строчит.

«Ладно, что ж, не хотите, не надо, –
Лёня горькую выдал тираду, –
Что и денег тут даже не дашь
Никакому начальнику в лапу,
Это раньше он, может, и хапал,
Но спалился и вышел в тираж!»

Ветер волком голодным виляет
В чистом поле. «Плевать, не влияет
Это всё на житьё и бытьё,
Что веду я – сказал себе Лёня, –
Пусть в атаку, вперёд меня гонит
Развесёлое войско моё».

Ну, войско – это я и друг наш Коля,
И парни, что души не чают в нём,
В Заманском. И пришлось нам поневоле
Грузить потом в машины этот лом –

Через неделю, после, оклемавшись,
От ярких впечатлений, а пока,
Мы, минимально, наскоро проспавшись,
И снова остаканившись слегка,

По ходу дела всё же распрощались –
Мы Колю в лапы к Нинке повезли –
К жене его. Мы за полночь примчались.
И мы там с Лёнкой тоже огребли!

Да, это так – когда спасаешь друга,
Заранее готовься ко всему –
Взволнованная строгая супруга
Не даст из вас пощады никому!

Теперь скажу насчёт металлолома:
Мы десять дней его в грузовиках
Возили, завалив его соломой,
Чтоб к нам менты не лезли на постах.

Куда, мол, что везём-то, где грузили?
А мы в ответ: «Протухший урожай!
Делиться надо, знаем, проходили,
Но чем – соломой?» «Ладно, проезжай!»

И Сашка, наш шофёр, толковый парень,
Потом на целый год про всё забыл –
Шаманил в арендованном ангаре,
Запчасти эти гиблые чинил.

-16-

Мы, как лоцманом, Лёнькой ведомы,
Промплощадку для нашего лома
С подъездными путями нашли.
Год прошёл. Мы стоим, морщим рожи:
А ведь как-то пора его всё же
Превращать потихоньку в рубли!

Вяло всё в этой теме, убого.
Сашка наш нашаманил немного –
Там три тыщи вся прибыль была,
Да и та вскоре стала трухою, –
Может, дело оно неплохое,
Но инфляция всё сожрала!

Мы стратегию долго искали, –

Ничего ты в разбитом бокале
Не найдёшь никогда и нигде.
А бокал был разбит, то есть бизнес
Рухнул, сдох, и уже собрались нас
Кредиторы мудохать в суде.

Уйма, тьма, как бычков на асфальте,
Министерств по стране. «А давайте
С филиалами их флиртовать», –
Лёня кинул одну из идей нам,
И уже мы заводам литейным
Стали оптом наш лом продавать.

А вышло как? Племяш большого чина
Нам намекнул – холёный жирный кот,
Влиятельный такой седой мужчина,
Что он деньгами взятки не берёт.

Мы с ним вели беседу в филиале –
В таком, куда пойдёшь ещё зайдёшь,
Но с Лёнькой нас везде тогда пускали,
И то ли ещё будет впереди!

Так вот о взятках – пьёшь обычно виски,
За рюмкой шутишь с важными людьми,
И разговор у вас, как мыло, склизкий,

Как мыльная верёвка, чёрт возьми!

Как будто ты идёшь, а под ногами –
Капканы, ямы, минные поля, –
Сказал не так – и всё, уже ты в яме,
Уже вокруг горящая земля!

Эх, не люблю я братцы, это дело,
И, в общем-то, обычно не давал,
Тут не одна башка у них слетела,
Серьёзный, непростой тут филиал.

И вдруг тебе с неведомым подтекстом
Туманным тайным смыслом точат плешь,
Пирог с таким слоёным сложным тестом
Суют как будто в зубы – на, мол, ешь!

В моём уме – дедукция, анализ,
Про то, что наш тандем во что-то влип.
Короче, мы слегка подрастерялись –
И я, и Лёнька, но не этот тип!

Как будто поэтические строки
Читает он: «Такой вот мой каприз»,
Мол, не беру, и всё, и – руки в боки,
И смотрит так с улыбкой сверху вниз.

Дело было весной, в апреле;
Мы, признаться, слегка охерели:
Это что у него – реактив?
Обострение как бы такое?
«Нет, ребята, ни то, ни другое», –
Он сказал, по рюмахе налив.

Он подкопы какие-то роет:
«Я прошу к вам на фирму устроить
Дочку шурина свёкра снохи.
Вся столица Заманского знает,
Что таланты у вас набирают –
К свету, к звёздам идти от сохи.

Тридцать лет уже ей, кличут Катей.
Ваше дело – побольше понятий
Под завязку в неё напихать.
Выпускница престижного ВУЗа,
Недотёпа, лентяйка, обуза,
Пусть уже привыкает пахать!

Так берёте?» «Берём». «Классно, круто.
И коньяк, что мы в эту минуту
С вами пьём, обретёт новый вкус, –

Мы сперва обнулим для начала
Все проблемы со сбытом металла –
Я с литейками сам созвонюсь».

Она через неделю к нам явилась
И всех подряд сумела распугать –
У двери возле нас остановилась,
И – прямо в лоб: «Интим не предлагать!»

Она волну с порога сразу гонит:
«Мне не нужна пустая болтовня!
Заманского хочу увидеть Лёню,
Чтоб он прособеседовал меня!»

Он здесь. Он посадил её на место,
Откуда ей потом быстрее уйти,
И попросил любезно в виде теста
В квадрат любую цифру возвести:

«Одиннадцать, к примеру. Вас устроит?»
Она ему: «Нормально. Не вопрос!
Вам даже беспокоиться не стоит.
Я подойду к заданию всерьёз.

Тут, даже если конченный баран ты,
Несложно это всё обосновать.

А что, бывают разве варианты?
Ведь это же почти как пятью пять!

Меня ни разу так не проверяли.
Какой-нибудь балбес вам скажет: «Сто!»
Но мы-то с вами разум не теряли.
Конечно, сто одиннадцать. А что?»

И стон надрывный из груди у Лёни
По офису прошёл взрывной волной,
И даже программист наш Коля Пронин
Под стол залез от страха за стеной.

Она глазами Лёньку так и ела,
Крутила пальцем локон у виска.
Он заорал, аж пыль с портьер слетела:
«Найдите этой дуре мужика!»

-18-

«Ой, – запела она вроде пташки, –
У меня аж по шее мурашки,
Как Вы линию гнёте свою,
Все преграды на свете сметая, –
Быстрый, резкий, я тоже такая!!»
И взревел уже Лёня: «Убью!»

Я сумел за неё заступиться.
Моё слово – как острая спица:
«Лёнъ, кончай уже девок чморить!
Может, разум у них и не очень
На трёхзначные числа заточен,
Но не всем же Эйнштейнами быть!

Как-то мы с этой Катей суровы.
«Адаптация» – верное слово, –
Пусть пока что с простого начнёт –
На компьютере в игры играет,
Или с кактусов пыль вытирает,
Или пол в кабинете метёт».

Как ни странно, она согласилась
И не очень-то даже бесилась.
День, другой, и её не узнать –
Не особо уже и дурила,
Но зачем-то всегда говорила,
Что интим ей нельзя предлагать.

Что ж, неплохое, в общем-то, начало.
Ухватистый и цепкий, как бульдог,
Тот мужичок седой из филиала
И правда нам с заводами помог.

Такие просто так не точат ляды.
Был подан кому надо тайный знак.
Мы прбдали заводам все запасы
Кривых и страшных наших железяк.

И снова куча денег в обороте,
И мы на кураже, без лишних слов,
Купили ровно тех, кто нас банкротил
При помощи наездов и судов.

Наверно, там у них печаль на рыле.
Они нам в ошущеньях не даны.
Мы даже дядьке этому звонили:
«Мы точно ничего вам не должны?»

Не зря оно тогда пошло в охотку
То ключевое наше рандеву, –
Опять, короче, выправилась лодка,
Ну, в смысле, фирма снова на плаву.

Мы новые подходы применили,
Чтоб кризис платежей не поиметь, –
Я никелем платил за алюминий
И кобальт покупал в обмен на медь.

Да тот же лом – нормальная валюта,

Хоть и рубли никто не отменял,
Но с ними новый кризис нас окутал,
Накрыл, как смог. Нам нужен был металл.

Мы слышали порой: «А вот и...-р вам!
Мы спим. Нас нет». Страна была пьяна.
Тогда, весной, в девяносто первом,
Нам всем уже маячила хана.

-19-

Все зарплаты посыпались разом;
То реформы по нам, то указы
Били в лоб, как из пушки картечь!
Увернулся, словчил – значит, выиграл.
Кто всё это из памяти вырвал –
Молодец. Надо нервы беречь.

Всё дымилось – надежда и вера,
Как на спичке шипящая сера,
Да и детям уже, наконец,
Из заглавий газетных и рубрик
О Союзе советских республик
Было ясно, что он не жилец.

Вот и яблочный спас, вот и август.
Наш весёлый азарт, нашу наглость

В суматохе событий и дел
Колесом норовят переехать, –
Та ещё накатила потеха –
Путч, как поезд, уже подоспел.

«Всех посадят, и с песнями, строим,
Под таким ли, сяким ли конвоем
Где кому коротать свои дни,
И прозрачен расклад, и понятен, –
Думал я, – никаких белых пятен –
Это мы, а вот это они».

Тот август был весёлым и ужасным,
Я помню утро путча: в небесах
Тихонько трепыхался месяц ясный,
Как яркая заколка в волосах.

И он же стал скукоженной креветкой,
Которую те самые, «они»,
Под коньячок могли бы, под конфетку
Сожрать со всей Россией в эти дни.

Хреновая была у «них» бригада –
Ни разума, ни сердца, ни лица.
У «них» не вышло. Мы на баррикадах
Плечом к плечу стояли до конца.

А в первый день, когда всё закрутилось,
Они закрыли главный банк страны, –
И всё, что на счетах там находилось,
Захапать были, сволочи, должны.

Там рота автоматчиков стояла.
Казалось, шансов нет. Привет. Ку-ку!
Но Лёня – к ним: «Зовите генерала!
Заманский. От Смирнова. По звонку».

«Зачем, какая цель?» «Да за деньгами!
Снимать их кому надо, чёрт возьми!
Согласно поступившей телеграмме!
Потом-то их поди ещё сними!»

Какой такой Смирнов, он сам не понял.
Он брякнул наобум – придумка, блажь!
Сработало. «Туда, – сказали Лёне, –
По лестнице, с торца, второй этаж».

И три мешка рублей единым разом
Ему дала, глотая димедрол,
Завкассой – тётка с выпученным глазом:
«Ну что ж, бери, коль ты сюда прошёл!»

Это с виду лишь дело простое.
Их в то утро таких двое, трое
Было бравых отважных парней,
Кто приехал спасать капиталы,
В три секунды которых не стало –
Мы без них, как кусты без корней.

Ноль на счёте – плохая примета.
Это факт, что возможности нету
Плодоносить такому кусту –
Время срежет его, перепашет.
Слава Богу, особенность наша –
То, что Лёнька всегда на посту!

Вот и банк его принял центральный,
Так что с нашим кустом всё нормально,
Он как цвёл, так и дальше цветёт,
В смысле бизнес здоров и не помер –
Всё путём, если лидер на стрёме
И на дело без страха идёт.

А у тех, кто расстался с деньгами,
Всё пошло кувырком, вверх ногами,
Долго были их плачи слышны,
А потом мы однажды проснулись,

И вообще чуть едва не свихнулись:
Больше нету советской страны!

Представь себе, читатель, на минуту,
Что некий мамонт – крепок, полон сил,
Шагает по привычному маршруту,
Который он себе определил.

Идёт вот так в пургу, и в снег, и в ливень,
Поплёвывает, я, мол, всех главней!
Об эвкалипт, об ёлку точит бивень,
Лягушек топчет, ящериц и змей.

Я крикнул бы ему: «Эй, ты, потише!
Ответишь! Все записаны ходы!»
Но толку что? Большие нас не слышат,
Жуют свой корм, и всё им до звезды.

Наш СССР – вот он тот самый мамонт,
Шагал себе, месил песок и грязь, –
Земля разверзлась. Грохнулся фундамент.
Другая жизнь повсюду началась –

Сплошные турбулентные потоки.
У министерств, считай, предельный крен,
Их валит в штопор злобный и жестокий,

Разящий насмерть ветер перемен.

По филиалам шторм десятибалльный
Прошёлся там, где тишь была и гладь,
Их новая ментура досконально
Под микроскопом стала изучать.

Наш контактёр остался не при деле,
Уже он за Уралом срок мотал.
Мы без него крутились, как умели,
Рубли – труха. Нам нужен был металл.

Россия отходила от наркоза,
От спячки, что в калач её согнул.
И тут Димон, тот самый, из колхоза,
С оказией в наш офис завернул.

Сначала мы по стопке: «Как? Чего ты?»
Он принял десять штук их в аккурат
И попросился к Лёньке на работу.
И был без разговоров сразу взят.

И скромно так поведал, без зазнайства:
«Я смог преодолеть упадок сил.
Системный кризис сельского хозяйства
Мне всё-таки мозги не своротил!

Этот год, что прошёл, был тяжёлым.
Мой бюджет был малюсеньким, квёлым,
Я его до нуля сократил,
Даже прѳпил пиджак и пальтишко,
Но приехал в один городишко
И с Фортуной роман закрутил.

Мой земляк там, директор завода,
Ловко рулит последних два года,
Что тут скажешь? реально силѳн! –
Зайцев, бывший советский партиец, –
Все дружки у него поплатились
За былые грехи, но не он.

Есть объѳмы. И медь он, и никель
Продаѳт. Нынче цены на пике.
Но потом ещѳ больше взлетят.
Ехать надо». «Ну, что ж, поезжайте, –
Нам Заманский сказал, – порешайте
Все вопросы, и сразу назад!»

Прилетели. Пурга – снег и ветер.
Вот уже мы в его кабинете.
Он не глядя кивнул: можно сесть

...Он зевал и чесал свою ногу,
Мы ему: «Купим дорого, много.
Платим сразу. Наличные есть».

Я знал от Димки: он умом не блещет,
Но всех нюансов не предугадал,
Тут сюр пошёл такой – ещё похлеще,
Что я тогда в колхозе наблюдал.

Нас этот Зайцев нехотя дослушал,
Потом минуты три чего-то ждал,
И, кажется, прочистил даже уши.
А после встал и вышел. И пропал.

Ну, мало ли куда отходят люди,
Прошло уже почти что полчаса,
Но нет его. «Сегодня и не будет», –
Какие-то раздались голоса.

У нас уже душа дымилась в теле,
Несладко ей там было, в том дыму,
Нас местные снабженцы пожалели,
Случайно заглянувшие к нему.

От них мы и узнали по секрету:
Традиция такая, много лет –

Что, если он поймёт: отката нету,
То просто покидает кабинет.

Как? Просто молча? встал вот так и вышел?
Ни слова никому не говоря?
Ну, да, мол, из ума-то я не выжил –
Базарить с дилетантами зазря!

Читатель, пей за нас, за бизнесменов,
За Лёнькиных весёлых дружбанов,
А не за этих вот олигофренов,
Зажравшихся и жадных кабанов!

Люби её, Россию молодую,
И, если ты стоишь, то лучше сядь.
Я с этих строк тебе рекомендую
Особенно внимательно читать.

-22-

Мы вернулись ни с чем, рассказали,
Как там было оно, все детали, –
Лёнька белый, как скатерть, как мел,
Нам по рюмке с усмешкою налил
И кофейником в шкаф засандалил –
Верный признак, что он озверел!

Он до завтра уже не остынет.
Он сказал: «Предлагаю отныне
Болт с резьбой на торговлю забить!»
И в его непростой подноготной
Этот пункт ключевой, поворотный
Никогда мне уже не забыть!

Он глазами сверлил наши лица:
«Сколько можно вот так вот крутиться?
Надо глубже, ребята, копать,
Мы покажем, кто в доме хозяин,
Мы стратегию в корне меняем:
Я заводы хочу покупать!

Хватит к ним на поклоны мотаться,
Ждать, терпеть, психовать и метаться.
Тушим свет. Задуваем свечу.
Все заводики эти, коптилки,
Время к чёрту сметёт, как опилки, –
Это я быть заводом хочу!

Я слышал много раз, что время лечит,
Но в нас какой-то гвоздь как будто вбит,
И по итогам нашей личной встречи
Товарищ Зайцев нами не забыт.

Он номер первый – вот его награда –
В секретном списке. Он теперь у нас
Персона под названием нон-грата,
Сказать по-русски – просто пидарас!

Диагноз это, хобби ли, призванье,
Ему чего? Живёт и будет жить.
...Заманский нас позвал на совещанье
Рабочие вопросы обсудить.

Он пробежался быстренько по смете
Ремонтных в нашем офисе работ
И заявил: «А вот теперь о смерти,
А также и о жизни речь пойдёт».

Своею специфической повесткой
Он даже нас немного удивил.
«Да сколько же ворья в стране советской,
Да лично сам бы всех передал!»

Ну как таких назвать? – кричал он, – суки!
Иначе их никак не назовёшь,
Способных вытворять такие штуки,
Да только тлен в душе от этих рож!

И мы в своей торговой ипостаси –

Словечко вдруг ввернул он, как шуруп, –
Вообще никто в безликой этой массе,
И бизнес наш – почти ходячий труп!

Мы всё по кругу бегаем, как пони,
И всё плывём, плывём, как рыба в сеть.
Заводы – это жизнь, – сказал нам Лёня, –
А вот товарищ Зайцев – это смерть!

-23-

Я о смерти не желаю мараться,
Да и вам не советую, братцы, –
Вот она, моя красная нить,
Аж мозги от неё цепенеют, –
Мертвецы ничего не умеют,
Только хапнуть и брюхо набить,

И беситься с похмелья и с жиру.
Хоть там ранги у них и ранжиры,
Но по сути – сплошное родство.
Все равны – и последний, и первый –
Там внутри лишь могильные черви.
Гниль одна. Больше нет ничего.

Что сказать вам? Ребята, живите!»
И один наш чувствительный зритель,

Коля Пронин, умнейший пацан,
Методично в кладовке нажрался,
Потому что опять испугался.
Я сказал: «Плохо кончишь, Колян!

От стакана, к примеру, осколок
Отгрызёшь, и знакомый нарколог
Сочинит про тебя некролог,
Мол, такой-то тогда-то родился,
Честно жил, честно пил, и допился.
Догулялся. И в этом итог».

Но хватит уж про эту безнадёгу,
А то я буду выть, как волк во тьме.
Читатель, помнишь нашу недотрогу,
Что может числа складывать в уме?

Вот говорят, что нет огня без дыма,
Но Катька вся сама горит в огне!
Подальше ей от всякого интима
Мы кабинет нашли на стороне.

У Катьки никакой в кармане фиги
И в голове сплошная чепуха,
Но мы её в кирпичный старый флигель
Отправили подальше от греха.

На выселки, к далёкому ангару,
Где Сашка, наш невидимый герой,
С Андриюхой, дружкой своим, на пару
Ремонтом сложным занят день-деньской.

Он сразу же какую-то ириску
Ей подарил, мол, жуй и уходи,
Не до тебя. Но вспыхнувшую искру
Он где-то ощутил в своей груди.

От флигеля до Сашки метров сорок,
Всё рядом. И она ему в обед
Картошку начала носить и творог,
А после даже суп и винегрет.

Не то, чтобы уж прима-балерина,
Да так она себя и не вела,
Но всё же эта наша Катерина
Довольно симпатичная была.

У Сашки, и мне это не приснилось,
Глядевшего на Катькин внешний вид,
Сетчатка глаза даже изменилась –
Болела, а теперь вот не болит.

Он в нирване какой-то, истоме
Плыл как будто уже, в полудрёме,
А куда, для чего, не поймёшь.
Раньше этого с ним не бывало,
Чтоб любовь с головой накрывала.
Я вздыхал: что сказать, молодёжь!

Всё же Сашка – технарь высшей марки.
Он с приятелем принял по чарке,
Черканул на листке пару схем,
И, собрав кой-какие детали,
Монорельс изготовил из стали,
Сам сначала не зная, зачем.

«Саш, чего это, как бы, такое?» –
Катька тонкой взмахнула рукою.
Он сказал: «Как чего? Агрегат!
Чтоб в окошко твоё на тележке
Пастилу присылать и орешки,
Чай в пакетиках, мёд, мармелад!»

«Сань, скажи, а записочки будут,
Чтоб ложить их везде и повсюду?
Только крупные буквы пиши!
Я пылать буду вся, словно печка,

Только ты там ещё и сердечко
И стрелу нарисуй для души!»

К ним Лёнька заглянул, предполагая
Прикинуть с Сашкой месячный навар:
«Санёк, а что за рельса здесь такая
Соединяет флигель и ангар?»

И Сашка разъяснил без лишней позы:
«Да тут вполне понятные дела:
Гостинцы буду Катьке слать, мимозы,
Чтоб у неё романтика была!»

И Лёня подсказал: «Уж если пламя
Большой любви пошло в тебе гореть,
Возьми и сам с шампанским и цветами
По монорельсу к Катьке и приедь!»

Девчата уважают это дело,
Когда рутинный вроде бы процесс
Им душу сверх обычного предела
До облаков возносит, до небес!

Не надо никаких там «сюси-пуси!»
И прочей этой сладкой размазни,
Вперёд, и с песней! Господи Иисусе, –

Скажи ему, – спаси и сохрани!

Один изъян у этих революций –
Он в том, что, как бы ни был ты хорош,
Ты можешь так с тележки звездануться,
Что и костей потом не соберёшь!

Держи, Санёк, сцепленье с монорельсом,
Через окно въезжая прямо в рай!
Короче, на хорошее надейся,
Но сам, как говорится, не плошай!

Поскольку так катаются нечасто,
И ты вообще-то нужен нам живой,
Давай застелим мягким пенопластом
Рельеф под этим рельсом, под тобой!»

-25-

«Ну уж нет, никаких пенопластов, –
Саня крикнул, – прорвёмся, и баста!
А насчёт революций ты прав:
Ветер в харю погоды не портит,
Буду сам стартовать!» «Сила – в спорте!», –
Он добавил, меня увидав.

«Да, Серёг, у меня все резоны

Здесь, у нас, на отшибе промзоны
Сольный выход исполнить на «пять»,
На заброшенном этом гектаре,
А тебя попрошу на гитаре
Скрипачу моему подыграть.

Или двум, как пойдёт, есть ребята!»
«Сань, конечно, всегда, для тебя-то!
Я специально возьму ре-мажор!
Я его изучал три недели,
Даже девки вибрацию в теле
Ощущают под мой перебор!».

Он три дня колдовал над тележкой,
И Андрюха, приятель, с усмешкой,
Говорил: «Молодец, что не вплавь!
Что готовишься к важному шагу,
Ты ещё реактивную тягу,
Хвостовой обтекатель поставь!

Дружочка подколоть так между прочим
Мы очень даже любим, стар и мал.
Санёк на гайке был сосредоточен,
И я его прекрасно понимал.

Мне раньше это было всё знакомо, –

К подруге, что меня устала ждать,
С водонапорной башни в стог соломы
Я прыгал с целью смелость показать.

Не то, чтоб я совсем уж промахнулся,
Нет, это значит факты исказить.
И не сказать, что после я рехнулся,
Но явно хуже стал соображать.

Да, Саня прав, что должен быть проверен
Любой мельчайший пунктик и пустяк.
Мне целый стог соломки был подстелен,
И то чего-то там пошло не так.

Но скоро старт, однако. Тут на шару
На дурака попробуй проскочи!
Мы встали по бокам – и я с гитарой,
И нанятые Сашкой скрипачи.

Душа у Сашки прыгала и пела,
И поллитровка вовремя нашлась,
И вот уже тележка закрипела
И под уклон, под горку понеслась!

И он в итоге выполнил задачу!
Он в Катькин флигель въехал сквозь окно,

Он там все стёкла ей порасхерачил
И парочку плафонов заодно.

Она как раз за спицами сидела,
Вязала там чего-то для него.
Осколок ей вонзился прямо в тело
В районе лба. Но это ничего.

-26-

Вот и первая Сашкина фаза:
Сашка лоб ей лекарством намазал
И, застенчиво глядя в окно,
Он на стул поудобней уселся:
«Разрешите Вам руку и сердце,
И интим предложить заодно!»

И она его к стенке прижала,
Так, что стенка сперва задрожала,
А потом уж и весь кабинет,
И Санёк растерялся немного:
Кать, скажи мне скорей, ради Бога,
Это «да» или всё-таки «нет»?

Но в ответ лишь набор междометий,
Ладно б там «сю-сю-сю» в том ответе,
Там скорей как бы так «бу-бу-бу»,

И Санёк не вполне понимает,
То ли это его обнимают,
То ли мстят за осколок во лбу!

А вот ты́ как считаешь, читатель,
Есть у Сашки надежда? И, кстати,
Твой вердикт – солидарен ты с ним?
Ведь вошёл-то он к ней не в калитку,
Да и факт существует навскидку,
Что она отрицает интим!

Когда б я мог Некрасовым родиться
В далекие года, в другие дни,
Я б написал, что рожь или пшеница
Узнали, как поладили они.

(«Знает только ночь глубокая,
Как поладили они,
Расступись, ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!»
Н.Некрасов, «Коробейники»)

Я так не напишу. Перегружен
В мечтах своих и мыслях наш народ,
Любовь теперь не тайна, и к тому же
Пшеница на промзоне не растёт.

А что растёт? Да ничего конкретно,
Какая-то невнятная полынь,
Её тут даже толком не заметно,
Сплошной пустырь, читатель, ты прикинь.

Но есть на белом свете грамотеи,
Что могут свет пролить на молодых,
На ихние забавы и затеи,
На то, как там дела пошли у них!

Известный пролетарский теоретик,
Скончавшийся вожак народных масс,
Во флигеле висел там на портрете –
По виду Энгельс, или даже Маркс.

В связи с таким сюжетным поворотом
Он знает, типа, зорко, мол, гляжу,
Насколько далеко у них зашло там, –
Но он не скажет вам. А я скажу.

Зашло туда, откуда нету ходу,
В субботу свадьба – самое оно!
Мы Катькину глубинную природу
И Сашкину узнали заодно.

Мгновенно, без раздумий, с ходу, с лёту
Делить они решили хлеб и кров,
Не просто абы как, а по расчёту,
И весь расчёт их – только на любовь!

-27-

Мы в субботу засыпали лужи.
И столы у ангара снаружи
В виде клина, точнее, буквой «Л»
Укрепили надёжно и прочно.
«Л» – намёк такой ясный и точный
На любовь. Так жених захотел.

Мы окинули взором поляну.
Лёнька хочет попристальней глянуть
На окрестные ямы и рвы,
На убитый промышленный комплекс,
Где растёт, в три погибели сгорбясь,
Что-то серое, вроде травы.

Да, пейзаж, прямо скажем, не очень –
Трансформатор побит, раскурочен.
Корпуса – как пустые гробы.
Тускло, страшно, повеситься впору.
Мужики на бревне у забора
Нас увидев, наморщили лбы:

«Эй, вы кто?» «Мы Серёга и Лёнька».
«Ну и хрен с вами». Молча, тихонько
Чистый спирт они ставят на пень,
Нас не видят, мол, мы-то при деле,
Но не вы. А потом вдруг запели
Вот такую вот жуткую хрень:

«Нет ничего. Всё сгорело дотла.
Жизнь нас загрызла, к чертям сожрала.
Наши дела – это наши дела.
Ваши дела – это ваши дела.

Ночь на дворе, словно конь вороной.
Эй, человек, проходи стороной –
Берегом, лесом, тропинкой лесной.
Или удавим тебя под сосной.

Ветер визжит, как тупая пила.
Пусто. Темно. Ни двора, ни кола.
Ваши дела – это ваши дела.
Наши дела – это наши дела.

Чёрные птицы над лесом летят.
Все нас забыли и знать не хотят.
Скука и страх – как стальные тиски.

Речки изгиб – словно вывих руки.

Стелется, стелется снег над рекой.

Тучи ползут, как стада на убой.

Ветер ломает сухую траву.

Крест над могилою. Кости во рву.

Лодка плывёт. Ни руля, ни весла.

Что в ней, не ведаем – брёвна, тела?

Нам всё равно – это ваши дела.

Наши дела – это наши дела.

Свет или сумерки, стужа, жара,

Вольные, пришлые, прочь со двора!

Ваша игра – это ваша игра.

Наша игра – это наша игра,

Чёрная яма, канава, дыра...»

О чём слова? Про вечную усталость,

Что, как овец послушных, нас пасёт?

У Лёни что-то с чем-то не срасталось,

Уж больно скучно, просто это всё.

Простор звенел прозрачный, поднебесный,

Сухая с неба сыпалась листва.

«Ребята, я послушал вашу песню,

Какие-то в ней странные слова.

Я про дела когда всё это слышу,
Что вы поёте, тошно прямо мне,
Реально, я скажу вам, сносит крышу,
Что всё вот так у нас в родной стране.

Едва ли этот мир во всём прекрасен.
Я никогда его не излечу,
Но, что он мёртв, я в корне не согласен.
Друзья, я по другому спеть хочу:

Ваши дела – это наши дела,
Наши дела – это ваши дела.
Если ты скажешь, что это не так,
Значит, долдон ты и полный ...к

Если ты рожу во тьму отвернул,
И на крылечке спокойно уснул,
И не желаешь вокруг ничего
Видеть и знать, лишь себя одного,

Если чужой ты в родной стороне,
Значит, ...к ты вдвойне и втройне.
Трудно таких, невозможно лечить,
Смерть их, как семечки, будет лущить.

Если мы все по щелям расползлись,
Смерть улыбнётся: «Ура! зашибись!»
Всех вас пощёлкаю, всех разорву,
Вытопчу с корнем, как в поле траву».

Солнечный луч, как стальная игла,
Нас из любого достанет угла.
Эй, кто живой там, цепляйся за луч!
И до небес, до заснеженных круч

Лезь по нему, не сдавайся, держись,
С небом и ветром, с мечтой подружись!
Чтоб нам поврозь не пропасть без следа,
Крикни своим: «Эй, ребята, сюда!»

Солнце взойдёт, и рассеется мгла,
Эй, человек, вылезай из угла!
Ваши дела – это наши дела,
Наши дела – это ваши дела!

Сможем, сумеем взлететь, воспарить,
Если друг с другом начнём говорить,
И никогда не умрём от тоски,
Если не полные мы ...ки.

Всем нам, ребята, усвоить пора:
В мире нормальных людей до ...
Ваша игра – это наша игра,
Наша игра – это ваша игра.

«Вот так-то, он сказал, – оно вернее, –
Пошли на свадьбу к Сашке!» «Что ж, пойдём!»
«А кто из нас тут порет ахинею,
Оставим все вопросы на потом».

«Вообще ты интересно рассуждаешь, –
Они сказали Лёньке, – молодец!
А то одна сплошная ерунда лишь
В мозгах у нас сидит, что всем конец.

Нам в голову когда-то приходило,
О чём ты пел, но, как оно пришло,
Так и ушло. А всё потом, что было,
Какой-то снежной мутью замело».

«А как вас звать, и что вы у забора
Забыли в этих драных лопухах?»
«Да грохнулась шарашкина контора,
Где нас носили раньше на руках».

Зубило и Кувалда – наши клички.

Здесь цех стоял. Его не возродить.
Вот мы сюда и ходим по привычке,
Поскольку больше некуда ходить».

И Лёнька их немного раззадорил:
«Тут разных дел поистине не счесть!
А есть у вас набор спиральных свёрел?»
И получил ответ: «Конечно, есть!»

«Ну вот тогда идите и сверлите!»
«А где? Чего?» «Спокойствие, друзья!
Санёк покажет. Он для вас и зритель,
И он же самый строгий ваш судья!»

Да, он жених, он новую спецовку
Уже надел на праздничный манер,
Но он смекалку вашу и сноровку
Проверит, да ещё и глазомер!»

-28-

Сашка сразу их, с ходу – за шкуру!
Полировку, пригонку, притирку –
Посмотрел, как у них это всё
Получается – быстро ли, ловко, –
Плоскостная разметка, рихтовка,
И уже им ручки трясёт!

«Молодцы, вижу сам, получилось!
Ну, а то, что контора накрылась,
И начальники ваши козлы,
То и ладно, плевать, – он сказал им,-
Мы берём вас. Заказов навалом.
И давайте уже за столы!»

Он глядел в их спокойные лица:
«Вот и есть мне к кому обратиться
По вопросу крепёжных винтов,
По износу кондукторных втулок –
Это им вроде лёгких прогулок,
Каждый с ходу ответить готов».

«Фрезеровщики – вот кто ещё мы
Нам давно это дело знакомо!»
Саня рад был, конечно, за них,
Но уже был немного рассержен,
Услышав про конический стержень:
«Мне на свадьбу пора! Я жених!»

«Я шляпу с неохотой, но снимаю, –
Признался не без ревности Санёк, –
Отлично эти парни понимают
Горизонтально-фрезерный станок».

Мы за столами долго пили-ели,
Роняли даже морды в сельдерей,
А после покататься захотели
На Сашкиной тележке, кто быстреей –

И вся команда наша молодая,
И сторож с палкой, старый аксакал, –
Нам Лёня, из двустволки старт давая,
Секундомером время засекал.

Уже от перегрузок рельс погнулся
И сложности с балансом начались,
И кто-то невезучий звезданулся
В какие-то колючки сверху вниз!

Я подсказать хочу на всякий случай,
Нельзя скрывать такое от ребят,
Что я и был тот самый невезучий,
Но показал отличный результат!

Народ вокруг всё больше расходился,
«Салют хочу!» – Санёк пошёл вразнос,
Вот тут-то мне мой ствол и пригодился,
Который я зачем-то брал в колхоз.

Да, если уж висит ружьё на стенке,
Должно оно когда-нибудь пальнуть!
Но я, согласно ленинской оценке,
Как жить, как быть, особый выбрал путь.

Вопрос другой: чего в итоге вышло,
Куда нас эта тропка привела.
А так он прав по сути: нету смысла
Валить кого попало из ствола.

Наш праздник – в состоянии салюта,
Вот, значит, для чего я ствол купил!
И я пальнул, и это было круто,
Я всю обойму в небо разрядил!

-29-

И ментура на шум прибежала:
«Кто стрелял?» Да никто! Ты сначала
Штопор в пробке сумей закрепить!
Я ведь тоже парнишка не промах.
Мы нашли с ними общих знакомых
И за них тоже начали пить.

Танцы, скрипки, – концерт вроде бала.
Тридцать пять человек нас гуляло –
Сослуживцев, друзей и коллег, –

Перепуталось всё капитально,
Кто там пьёт за кого. «И нормально!» –
Мне какой-то сказал человек.

Я гляжу – это ж родственник Катькин,
Тот, седой, что-то там вроде дядьки.
«Ну и ну! Ты ведь вроде сидишь!»
Он смеётся: «Ребята, привет вам,
Жизнь хотела меня встречным ветром
Сбить с пути, завалить – вот ей шиш!

Холодок лишь один по загривку.
Я отпущен сюда на побывку,
Чтоб торжественно Катьку женить.
Да, потратился, жизнь стоит денег,
Но зато теперь с вами со всеми
Можно новый проект замутить!»

Да мы его тогда и замутили,
Сейчас неважно, где там что чего
Мы сообща потом наворотили,
А важно, что мы встретили его.

Заманский с ним грядущие поставки
Успел вполне детально обсудить.
В Москву из-за Урала для затравки

Вагоны с лесом стали приходить.

И лозоходец наш, что бани строил,
(Читатель, ты такого не забыл?)
Их общее число не то утроил,
Не то и вовсе удесятерил.

Ах, эта свадьба! – вот они, истоки
Всего, что с нами будет в свой черёд.
Он снится до сих пор мне, тот жестокий,
Прекрасный девяносто первый год!

Вот так без остановки наш Заманский,
Пока мы ели в кляре карасей
И друг на друга брызгали шампанским,
Крутил свою лихую карусель.

Без славословий всяких, песнопений
Скажу вам по-простому, как поэт:
То, что Заманский Лёня – это гений,
Тут даже спорить смысла как-то нет.

В любой науке гениев в избытке
Порой им даже премии дают.
Учёный люд, нахрапистый и прыткий,
Сожрал на этом деле соли пуд.

Один, к примеру, пялится на солнце,
На всяческие звёзды в телескоп,
Другой придумал цезий или стронций,
Которого хлебнул – и сразу в гроб.

Снаряд какой-то чертит третий некто,
Чтоб только поточнее долбануть
В различные секретные объекты, –
Куда ни плюнь – одна сплошная муть.

А Лёня вот Заманский, сколько помню,
Всегда живых людей заместо звёзд
Конкретно открывал. И я наполню
Бокал за Лёньку, хоть он и не прост.

Он потрясал своей мохнатой лапой,
Когда дела не шли: «Урою всех!»
Я не скажу, что было как в гестапо,
Но без услад особых и утех –

Сю-сю-мюсю там, вздохи под луною,
Из-под бровей лукавый женский взор –
Всё это проходило стороною,
Мы этого не видели в упор.

Мы сутками пахали, днём и ночью,
Какое, к чёрту, там «сю-сю-мусю»!
В деталях помню, трепетно, точь-в-точь я
Доподлинно картину эту всю.

-30-

За деньгами, хитёр и неистов,
Участковый, пожарник ли, пристав,
Как бы ни было хлопотно им,
К нам спешили совать своё рыло.
Каждый раз их явление было,
Как нашествие галлов на Рим.

Звон в башке у нас вместо медалей:
Нам гранаты в окошко кидали,
Ночью, правда. Охрана спала.
Ей за это, конечно, влетело, –
Разобраться на месте, в чём дело,
В силу пьянства она не могла.

Мы в тот год из-за вечных баталий
Колизеем свой офис прозвали –
Нам играть приходилось с огнём.
Мы сражались на этой арене.
Мы от страха негнули колени.
И сейчас, в наши дни, их не гнём.

Вряд ли скажешь, что мы супермены,
Но с разбега бетонные стены
Чётко, слаженно сносим башкой.
Мы живём – не горим и не тонем.
И вообще – если б не было Лёни,
То Россия была бы другой.

...Писателей известных вереница
Проела нам всю плешь. Я мог бы им
С героями помочь определиться,
Но обо мне потом поговорим

Герои умных книг – сплошная лажа.
Нет, есть один нормальный – Колобок!
Я всех литературных персонажей
Ещё со школы знаю назубок.

Скажи, читатель, кем работал Чацкий?
Онегин – вот чего он делать мог?
Какие-то одни сплошные цацки:
Вино, балы, на тыкве котелок...

И Гамлет, да и те, кто с ним сражались,
Горячие такие господа,
Не очень-то на службе появлялись,

Сказать точнее, просто никогда.

А будь он бригадиром на разливке,
Где цепи, мутьды, огненный металл,
То груз своих сомнений на заливке
Не так бы, может, остро ощущал.

Да, быть или не быть – вопрос серьёзный,
Тут не решишь так просто с кондачка!
А ты вот лучше дай, пока не поздно,
Под зад себе хорошего пинка

И в цех иди, там мастер навалает –
Полезно, если нервы не в дугу.
Работа положительно влияет
На кровообращение в мозгу.

Что значит «Быть»? – на ум одно приходит:
Не только регулярно есть и пить,
А, например, работать на заводе,
А не работать – значит и не быть.

-31-

Вот Заманский – отличный работник,
У него каждый праздник – субботник,
И выходит, что он поглавней

Всех Базаровых, Чацких и прочих, –
Он пахал и пахал дни и ночи,
За него, мой читатель, и пей!

Все они неплохие ребята,
Мне Печорин вообще вроде брата,
Так что я против них ничего
Да и против других не имею,
Но держу, как героя, в уме я
Только Лёньку, его одного.

Он был лучшим из всех, если кратко,
Он себя отдавал без остатка
Нам – своим регулярным войскам.
Если с кем-то беда приключалась,
Вся команда на выручку мчалась –
Ой, какой же там был трам-тарарам!

Ой, судьба, ой, ты, сволочь слепая!
Из застенков ребят выкупая,
Я поил кого надо до дна.
Что ж, я помню их, наши истоки,
Потому и пишу эти строки
Про великие те времена.

Я знаю, будут спрашивать порою:

«Твой ближний круг с пристрастием воспет,
А что же, отрицательных героев
В твоей поэме вовсе, что ли, нет?»

Ну почему? Да те же понятия,
Избравшие особый в жизни путь, —
Что пялили глаза свои пустые
На обыске: чего б тут хапануть?

Они тогда сигнала только ждали —
Подкинуть, не подкинуть Лёньке ствол?
Они его в клозете потеряли,
И Лёнька от судьбы своей ушёл.

Там срок ему светил совсем весёлый,
Но он тогда Чапаева включил,
И мясорубка Лёньку не смолола,
А придала вдобавок новых сил.

Ещё «герой» — маньяк из сельсовета,
Которого когда-то знал Колян,
Что вроде даже с неба, с того света
Строчил доносы на односельчан.

Товарищ Зайцев тот же, для примера,
Что бизнес весь в итоге пр...л,

За что потом совет акционеров
Едва ему башку не оторвал!

Конечно, все они большие суки,
Собрать их вместе – чистый карнавал!
Но кой-кого Заманский на поруки
Готов был брать и многих даже брал.

Забыл сказать: майор тот очумелый,
Что Лёньку личной свите напоказ
На обыске чморил по беспределу,
Теперь складами ведает у нас.

Он вспоминает прошлое нередко,
Уже не задирает больше нос,
А, самое-то главное, беретку
Ту самую, пропавшую, принёс!

Вот, значит, совесть – это не химера,
И не такой уж гад ты и злодей,
Пока в тебе жива простая вера:
Нельзя беретки п...ть у людей!

-32-

Мне мозги подозренье мутило –
То, что он стопроцентный мудила,

Но потом я свой взгляд поменял,
Всё же не был похож он на лоха,
С накладными справлялся неплохо,
В крепеже стеллажей понимал.

Он однажды сказал мне с тоскою:
«Ты прости, было время такое, –
Всех сажали, ты помнишь – дурдом!»
Он, как гусь, угодил к нам в духовку,
Что ж, такая она, перековка
Добросовестным честным трудом!

«Он тебе нахлобучку и встряску, –
Мы давали майору подсказку, –
Обеспечит, но ты не робей!
Труд есть жизнь. Если честно мы пашем,
То уже нам и дьявол не страшен,
И вообще никакой лиходей!

И уже не мигнёт из-за штор нам
Та, с косой, или кто он там, в чёрном,
Тот безумный больной дровосек».
Мне ясны были эти расчёты –
В том, что кровью, ну, в смысле работой
Много мог искупить человек.

Я раньше был до Лёньки голым, босым,
Простым весёлым парнем молодым,
И первым замом стал по всем вопросам,
Чтоб вкалывать на пару вместе с ним.

Конец восьмидесятых – наше время,
Начало девяностых, а потом
Сложнее стало жить, и не со всеми
Готов сидеть я за одним столом.

Не с каждым я здороваюсь при встрече,
Иных уж нет, как говорил поэт.
Но есть и те, кто рядом, недалече,
Кого бы я не видел тыщу лет,

Кто мне теперь противен до изжоги.
Немало я на свете повидал.
От суммы всё зависело у многих,
Продал он душу или не продал.

Один звонил, который Лёньку кинул:
«Друзья, догадки ваши неверны,
Что я урод и полная скотина,
А просто бабки были мне нужны».

В своих попытках друг мой не ленился

Любого переделать подлеца,
И я прощать у Лёньки научился,
Но, честно говоря, не до конца.

Он многих в баню гнал: «Вперёд, ребята!»
Там некий тип их веником хлестал,
Который лозоходцем был когда-то,
А после человеком всё же стал!

Мне трудно иногда не выразаться:
Там были, кто попарился, поддал,
А через день, не в силах удержаться,
На бабки Лёньку запросто кидал.

-33-

Я бы памятник Лёньке поставил,
Чтобы каждый хлебало разявил
Хоть на миг, стороной проходя:
«Это кой-то такой новомодный?»
Что ж, узнают, пускай не сегодня,
А немного потом погода.

Я не скульптор, не злитесь, ребята,
Я обычный простой литератор –
Как бы с Пушкиным так наравне,
Может, даже чуть-чуть послабее,

Но в итоговой личной судьбе я,
Если честно, уверен вполне.

Я пишу, как умею, стараюсь,
Жилы рву, не сдаюсь, упираюсь,
Я под стать скоро буду ему,
Так как жив, и творю, и не ною,
Как другие порой. И ещё я
За оставшийся срок поднажму.

А вот скульптором быть – как-то это
Не моё. Даже глины-то нету
У меня, чтобы Лёньку лепить.
Так что памятник мой – эта книга.
В ней простая, пожалуй, интрига –
Жить, работать, гулять! Не тупить!

Со статуями сложно всё, ей-Богу,
У земляков бывает скорый суд:
Сначала молотком отколят ногу,
А после морду краской оболыют.

И только, распрощавшись с юным пылом,
На склоне дней когда-нибудь, потом,
Задумаются: кем вообще-то был он,
Кого мы били в ногу молотком?

В мозгу у земляков какой-то мутный,
Густой и вязкий плещется кисель,
Ну кто поймёт нерукотворный труд мой,
Событий и героев карусель!

Поймут. Не сомневаюсь. Так ли, этак,
Нам Лёня шлёт из прошлого привет.
Летят, летят года, как листья с веток,
Горит, горит огонь его и свет.

Тот свет души, пронзающий потёмки,
Тот яркий луч, что спать нам не давал,
Скользил, плясал, шептал, прямой и ломкий:
«Держитесь, братцы, чёрт бы вас побрал!

Упал – вставай, и только зубы стисни,
Иди и знай: свои не подведут!»
И мы держались, вместе шли по жизни,
А те, кто вместе, те всегда дойдут.

Я знаю: ничего не исчезает.
Всё остаётся с нами навсегда.
И пусть нас время треплет и терзает,
И пусть за дверью прячется беда.

И я особой тайны не открою:
Товарища и друга моего
Уместно номинировать в герои.
Вот я и номинирую его.

-34-

Знаю, спросит дотошный читатель:
«Лирик ты или нет? вот и кстати
Чем-то новым меня удиви,
Расскажи, не стесняйся, чего ты –
Как у Лёньки по ходу работы
Разрешались вопросы любви?»

В нас всегда и везде, в зной и в холод,
К симпатичному женскому полу
Страсть жужжит, словно жук: жу-жу-жу!
Рвёт нам сердце на мелкие части,
Только Лёнька, выходит, бесстрастен?
Скажешь, так что ли?» Нет, не скажу!

Он свои изобрёл наработки,
Разговор был простой и короткий –
Встанет так вот у края стола:
«Гутен морген, мадам, знаешь, кто ты?»
«Знаю: символ разумной работы!» –
Это мантра такая была.

«Ты там модное что-то надела?
Вот и делай полезное дело», –
Лёнька в лоб им любил говорить,
Даже в ухо чего-то пошепчет
Или руку сожмёт чуть покрепче,
Чтоб работой потом завалить.

Чего другого, кроме этой ручки,
Он вряд ли так уж сильно позволял.
Про эти штучки-дрючки-закорючки
Не знаю, братцы, свечку не держал.

Но я тогда у Лёньки научился
Удваивать для бабы фронт работ.
Когда инстинкт у женщины включился,
Она тебя на части разорвёт.

Но, если ты сумеешь увернуться
От встречных заморочек и обид,
Лишь стоит ей к работе прикоснуться,
Она у ней вся с ходу закипит.

И, чтоб глаза у бабы не потухли,
Мизинцем прикоснись к её серьге,
И стрижку похвали у ней, и туфли

На каждой по отдельности ноге!

Примерно как в космическом полёте,
Заставь её от радости дрожать!
Чтоб бабу мотивировать к работе,
Ты должен эту бабу уважать!

Я как-то подошёл к одной на пробу,
К бухгалтерше, и прямо ей сказал:
«Не то, что б вы теперь моя зазноба,
И даже не бесспорный идеал, –

Баланс-то вы бухгалтерский готовьте,
Считайте ваши чёртовы рубли,
Но вы подбором пуговиц на кофте
С ума меня практически свели!»

Она сперва как будто впала в ступор,
Проверила углы в районе штор
И полчаса рассеянно и тупо
В мерцающий глядела монитор,

Потом очнулась, хлопнула в ладоши:
Впервые, мол, смогли так удивить!
...Она потом пахала, словно лошадь,
И я не мог её остановить!

Недавно тут с ребятами как раз мы
Узнали от знакомого врача,
Что в мозге невротические спазмы
У баб порой бывают сгоряча.

И чем ногой об землю просто топнуть,
Поплакать тихо в тёмном уголке,
Ей моментально хочется утопнуть
В холодной Волге-матушке реке!

Что надо бабе? Вот чего ей надо –
Идти в рабочий дружный коллектив!
Вот он и есть утеха и улада,
Что пресечёт тяжёлый нервный срыв.

Захочет, скажем, Галька или Машка
Навеки с этим миром связь порвать,
Что всё, мол, я увядшая ромашка,
Мне смысла больше нет существовать,

Что верить и мечтать – смешно и дико,
И вся любовь – один сплошной обман
Ответ: «А не п..ди-ка ты гвоздика!» –
Ей тут же, моментально будет дан.

И ей, ввиду её душевной боли,
Во цвете лет покинуть этот мир
Элементарно мастер не позволит,
Её верёвкой свяжет бригадир.

Но тут и перебарщивать опасно,
Ведь ласку-то никто не отменял!
Я лично знал спецов высококлассных,
Но в их когорту так и не попал.

При этом хоть какой ты спец великий,
Нельзя тот миг прохлопать и проспать,
Когда её синдром на самом пике –
Вот тут и надо бабу поддержать!

-35-

Так какой из всего главный вывод?
Ну, скажи мне, читатель, а ты вот
Как-то понял, к чему я клоню?
То, что с бабой нельзя напрямую –
Вот к чему откровенно клоню я, –
Чтоб не сохла она на корню!

Пусть, к примеру, она тебе скажет:
Три плюс два – это семь, или даже
Утверждает, что шесть – это пять!

Улыбнись, и спокойно, без шума,
Да, скажи, я и сам так подумал,
Просто первым стеснялся сказать!

Я уже, оставаясь за Лёньку,
Баб сверх плана грузил потихоньку.
И платил им, конечно, сполна.
Ну а что? Сил у них безгранично,
Ты лишь ей намекни самолично,
Что на свете всех краше она.

Бухгалтерия наша, банкирши,
Плюс вдобавок и те, кто поширше,
Я имею в виду поварих,
Все стонали, но лямку тянули,
До земли позвоночники гнули,
Я лишь только дивился на них,

Но при этом следил, мониторил,
Чтоб в азарте своём и задоре
Голубые не гасли глаза,
Перед общей унылой рутинной,
Чтобы не было как с Катериной
У Островского в драме «Гроза».

Друзья, я объективным с вами буду

(Я умный, хоть не Гегель и не Кант):
Все бабы – самоцветы, изумруды,
А Катька наша – чистый бриллиант,

Не на истлевшем рубище заплата,
А драгоценный камень на кольце.
Литературовед и литератор,
Я выступаю здесь в одном лице.

Я сам себя хвалю. Ясны причины –
Что тоже, как Островский, дал дрозда –
Вот так вот взял, и образ Катерины
Создал в литературе на года.

Я про века хотел сказать сначала,
Поскольку глубоко привык копать,
Но мне во сне гадалка нагадала,
Что человек разучится читать,

Что очень скоро полчища дебилов
По всей земле колоннами пройдут,
И, если жизнь кого-то не добила,
Они его достанут и добьют –

Зубами будут рвать любую книгу,
С тобой и мной, читатель, заодно.

Зачем? Да так. А ты, хоть плачь, хоть прыгай,
Башкой лети в ближайшее окно.

Но я же сам себя и критикую,
Что к лирике немного поостыл,
Что я другую бабу никакую
В роман свой почему-то не впустил.

Да, тут уже роман, по ходу, начат,
Одних героев сколько набралось!
Я их не контролирую, а, значит, –
Роман и есть. Дай Бог, чтоб всё сошлось.

-36-

А чего не сойтись? Всё сойдётся.
Правда, есть одно «но»: всё сорвётся,
Если буквы забудет народ,
И тогда уж конец моей Музе,
Смерть, хана. Я без всяких иллюзий
Отдаю себе в этом отчёт.

Но пока ещё этого нету,
Люди ходят по белому свету,
Знаки, вывески могут читать,
Понимают, где лево, где право,
Север, юг... Мне задача по нраву –

В этом деле от них не отстать.

Лёнька спорил мудрёно и мрачно –
Он ошибочно и однозначно
Интеллект возводил в абсолюте,
Я считаю, что зря. Всё сложнее –
Даже карту читать не умея,
Люди к новым вершинам идут –

Не всегда, но бывает такое,
Вот и Катька – в порядке, в покое,
Кем угодно её назови,
И без всякого устного счёта
Пребывает в режиме полёта
По просторам великой любви.

Такая получается картина:
Она примером стала для коллег,
А это значит, наша Катерина –
Общественно-полезный человек!

И, кстати, я сказать хочу о главном:
Она как раз вот в лютую грозу
На фрезерном станке совсем недавно
Освоила фасонную фрезу.

Чего это – фреза? – читатель спросит,
Мол, знать хочу, мол, мне не всё равно!
Я в этом помогу ему в вопросе
И сам себя проверю заодно.

При оптимальной правильной заточке
Ей в этом мире, братцы, нет цены,
А мы, чтоб не пропасть поодиночке,
Не только взяться за руки должны,

А знать ещё, чего нам ими делать,
Ну, взялись, разовзялись, и чего?
Чтоб наше братство враз не поредело,
Аттестовать неплохо бы его.

Учи, мой друг, таблицу умноженья,
И слишком сильно не переживай,
Когда в мозгу возникнет напряженье,
Что ты по рельсам едешь, как трамвай,

А вот доехать никуда не можешь.
Уже на части рвётся голова,
И ты скрипишь зубами, рвёшь одежду:
Ну сколько это будет – семью два?

А шестью пять? А тридцать восемь в кубе?

Тут мне ребята скажут: «Парень, стоп!
Однажды ты на танцах в сельском клубе
За эти речи странные огрёб!»

Да, так и есть, друзья мои, подружки,
Фреза главней в сто раз, чем семью шесть.
И если ты наладил вывод стружки,
То что там быть, не быть, уже ты есть! –

Не ищущий поблажек и уловок,
Прошедший весь дремучий этот лес –
От поворотных фрезерных головок
До шпинделя – хоть с гильзой, а хоть без!

-37-

Что-то я разошёлся, ребята,
Будто ломом шурую, лопатой, –
Понимаю: пора тормознуть.
Про лихое и славное время
Мой рассказ не для всех. Эй, кто в теме!
Пей до дна и про нас не забудь!

Ну, а те, кто не в ней, что ж, бывает,
Жизнь с пути нас порою сбивает –
Вроде яркие светят огни –
Там, вдали, поманили, и нету...

Мой читатель, ты как? С кем ты, где ты?
От меня, от стихов отдохни!

Намудрил тут по тексту слегка я, –
Круговерть небольшая такая –
Лом, запчасти, колёса в грязи,
Путч, заводы, какие-то бабы.
На короткое время хотя бы
Минимально мозги разгрузи.

В парк культуры какой-нибудь, что ли,
Загляни, там найдёшь поневоле
С флорой-фауной тесный контакт, –
Погляди на ползучего гада:
Что, ползёшь? Ну, ползи, тоже надо!.
...Всё. Конец первой части. Антракт.

Вторая часть

-1-

Ну что, мои друзья, антракт окончен,
И я продолжу, гусли бы сюда!
Эх, песнь моя, звучи сильнее и звонче,
Рассказ про те далёкие года!

Наш холдинг процветал. Мы рвали жилы.
Да, вот оно, начало всех начал!
Одно меня тревожило и злило –
Что Лёнька никогда не отдыхал.

Он был огнём охвачен, адской страстью,
Не ел, не спал нормально, по-людски,
И, даже говоря кому-то «Здрасьте»,
Всегда черкал какие-то листки.

Вот здесь, мол, миллион по предоплате
Получим, а вот здесь возьмём кредит, –
И повторять любил, что, кто не тратит,
Вот так в углу всю жизнь и просидит.

Он в полночь, днём, с утра, в любую пору,
Включая калькулятор в голове,

С переговоров на переговоры
Как маятник, мотался по Москве.

«Питание, режим, скажи на милость! –
Глумился он, – да вроде я не псих!»
Но что-то в нём однажды надломилось,
Он просто сполз со стула и затих.

Потом привстал, но бледен был и страшен,
И мы его скорей, пока он жив,
На частном самолёте к бывшим нашим
Отправили в больницу в Тель-Авив.

Он прилетел туда, почти что синий,
Под скальпель с ходу, с лёту угодил,
Его там искромсали, словно дыню,
Он от наркоза сутки отходил.

Диагнозов там было выше крыши,
Хоть сразу в изголовье ставь свечу.
Я эти все названья хоть и слышал,
Озвучивать их даже не хочу.

-2-

Да, когда организм на измене,
Как букашка, микроб в мыльной пене,

Срочно надо тревогу трубить.

А пока за хорошую плату

Лёнька в тихую прибыл палату –

Понемногу в себя приходиться.

Вроде был в нём слегка скособочен

(Я вообще в этом шарю не очень)

Кровеносный какой-то сосуд,

Сердце билось тихонечко, робко,

Лёньке дали брелок с красной кнопкой:

Плохо будет – нажми. Прибегут.

Плохо стало под утро, к рассвету.

Жми, не жми, никого. Толку нету.

Никаких медсестёр. Тишина –

То ли спят они все, ротозейки,

То ли нету в брелке батареечки.

Лёнька понял: приплыли, хана.

«Нет, плывём ещё! – зубы скрипели,

И сверчком стрекотал, еле-еле,

Слабый пульс. Но явилась уже

Та, с косою мадам, в капюшоне:

«Что, заждался? Прости меня, Лёня,

Я была на другом этаже!»

Она стояла возле изголовья.

«Что надо? – Лёнька был немного зол, –

Откуда ты?» «Оттудова – с любовью!

А ты уже, считай, наш новосёл!

Я та, с кем смысла спорить – никакого,

Кто в свой черёд приходит к вам ко всем!»

И Лёнька, запинаясь, молвил слово:

«Не рано ли? мне только тридцать семь.

И то лишь будет. Может, для начала

Послушаем консилиум врачей,

Что шансов у меня не так уж мало?»

Она лишь усмехнулась: «Никаких!»

К нему в палату дверь из коридора,

Стеклянная, прозрачная, вела,

Чтоб Лёнька был доступен для обзора,

Мол, как, чего, какие там дела?

В палате свет горел, и для чего-то

На тумбочке стоял пустой графин,

И Лёнька, уплывая, понял: вот он,

Последний в жизни шанс. Всего один.

Теперь в кулак с отчаяньем звериным

Собрать на миг всю силу, волю, страсть,
И к чёрту эту дверь разбить графином!
Авось услышат. Только бы попасть!

Замах! Бросок! И лязг, и звон! Всё просто!
И, прибежав на шум и кавардак,
Как курицы, кудахтали медсёстры:
Да что ж оно! Да как же это так!

Душа у Лёньки в радости купалась,
Звенела, как летящая стрела,
И та, что в капюшоне, испугалась
И под шумок куда-то удрала.

Потом уже, в Москве, под вой метели,
Он зубоскалил: классный был бросок.
Графин вполне достиг заветной цели,
Хоть и летел слегка наискосок.

-3-

Да, Заманский урок преподал нам:
«Если впал ты в глубокий нокдаун,
Бой не кончен. Вперёд, мужики!
Там, где чёткого нету прицела,
Ласты склеить – нехитрое дело,
В смысле сразу откинуть коньки!»

Он вернулся в Москву только летом.
Он полгода в Израиле этом
Пил в палате кисель перед сном.
Слава Богу, что всё это время
Он на связи был с нами со всеми,
И жена оставалась при нём.

Там его сколько раз потрошили,
Столько раз и обратно зашили,
А у нас не всегда было так:
Кораблей и ракет был избыток,
Но при этом с поставками ниток
Иногда наблюдался напярэг.

Лёньку нашего – парня из стали –
С того света реально достали,
Главный врач напоследок ему
Руку крепко пожал: «Редкий случай!
Ишь, зараза! – настырный, живучий!
Что ж, давай там, воюй по уму!»

...У нас клубок такой без Лёньки сплёлся,
Что ты его попробуй разрули.
Пока он там за жизнь свою боролся,
У нас дела летели, а не шли.

Наш холдинг рос и двигался, не мешкал –
Не то, чтобы он к звёздам воспарил,
Но он катил почти как та тележка,
Что Сашка нам когда-то смастерил.

Случилось, мать честная, ёксель-моксель,
Пошла какая надо полоса!
А наши электронщики и вовсе
Реальные творили чудеса.

Да никому ни разу и не снилось,
Какая там продукция пошла.
Госбезопасность даже изумилась
И нервничать немного начала.

Напрасно. Век двадцатый – век суровый.
Мы вместе делим общую судьбу.
Полковнику, товарищу Петрову,
Я подарил подзорную трубу,

Чтоб быть ему на стрёме и на страже
И чётко понимать при всём при том:
Благонадёжность в смысле шпионажа
Мы все на высшем уровне блюдём!

Компьютерные розничные лавки
Открыли мы, и в срок, без дураков,
Имели регулярные поставки
От бывших комсомольских вожаков.

Нам счастье прямо в руки так и плыло,
Но, чтобы эффективно выживать,
Нам, как факиру в цирке, надо было
Помехи и капканы миновать –

Вплотную проскочить меж острых лезвий,
Пройти через пылающий костёр.
...Мы в нефтяную тему не полезли.
Поэтому и живы до сих пор.

Но были сформированы подходы.
Напомню, что валютой был металл
Заманский покупать хотел заводы.
А слов на ветер Лёнька не бросал.

-4-

Он собрал нас: «Вы видели это?»
Я вернулся сюда с того света.
Я немного, но всё же ...к,
Раз довёл сам себя до такого.
Всё накроется – вот моё слово,

Если в графике жизни – бардак.

Тыщу раз будь крутой ты и классный,
Отдых нужен!» Ну что ж, мы согласны,
И для нас ещё было притом
Неожиданно и симпатично,
То, что Лёнька, пусть даже частично,
Сам себя вдруг признал ...ом.

«Организму нужна расслабуха! –
Он как сваю бетонную вбухал
Нам в мозги свою речь. Мы в круиз
Забуримся – в Стокгольм, типа, в Таллинн,
Да и в Хельсинки. Все мы устали».
Вот такой вот у Лёньки каприз.

Мы сегодня весь мир покоряем,
В Лондон выпить на сутки летаем,
А тогда, в девяносто втором,
Это было серьёзной вехой –
Лишний раз за границу поехать.
Вот уже мы и к шведам плывём!

Сейчас как вспомнишь, сразу так и вздрогнешь
От наших рож весёлых, но косых.
Скажу об этом вскользь я, между строк лишь,

А вот круизный лайнер был красив!

Нас три десятка русских. Что тут скажешь?

Сначала оно было ничего –

Мы к Лёньке лезли с тостами, и даже

Сумели пару рюмок влить в него.

И мы ещё в какую-то минуту

Его пытались к пьянству подстрекать,

Но он ушёл от нас в свою каюту

Чего-то на листках своих черкать.

Наш Колька возле стойки балагурит:

«Я чувствую вибрацию в ноздре!

А это у меня обычно к буре,

К дождю и к непогоде на дворе!»

Вот Сашка по каютам Катьку ищет,

И, словно чёрт играет на трубе,

Над палубой свистит такой ветрище,

Что как-то всем уже не по себе.

Бухгалтерши, однако, загалдели:

«А мы хотим по палубе пройтись!

Там, говорят, и впрямь, на самом деле

Душа летит куда-то сразу ввысь!

Друзья! Ведь иногда бывает людям
Немного страшно видеть сильный шквал,
Давайте мы Заманского разбудим,
Он должен успокоить персонал!

Пусть будет рядом, если нам придётся
Смотреть во время качки на луну.
А вдруг наш лайнер перекувырнётся?
А вдруг мы вместе с ним пойдём ко дну?

И чтобы нас в ревущую пучину
Какой-нибудь Гольфстрим не уволок,
Нам надо настоящего мужчину –
Чтоб рядом был, хранил нас и берёг!»

-5-

Мы к нему постучались легонько:
«Девкам страшно, вставай, слышишь, Лёнька,
Им гусары нужны, мужики!»
Он протёр каждый глаз. Он поднялся.
Он спросонья слегка чертыхался,
Но завязывал всё же шнурки.

Он никак не въезжал: что случилось?
То ли баба в пучину свалилась,

Где никто никогда не бывал,
То ли мы в кабаке все фужеры
Перебили сверх нормы и меры,
То ли гром нас сразил наповал!

«Ладно – Лёнька вздохнул, – жизнь покажет.
Цель пока что одна – баб уважить
И найти, если кто-то пропал,
И спасти». А они были рады:
«Нам всего лишь романтики надо,
Чтобы ветер нам кудри трепал!»

Он на верхнюю палубу вышел:
«Кто со мной?» Да никто. И, не слыша
Бабских визгов: «Постой! Ты куда?»,
Он уже в ураган окунулся,
Он под ливнем стоял и не гнулся,
Да плевать, мол, пустяк, ерунда!

А ветер уже, сволочь, обезумел,
Чего-то там свистел не в склад не в лад,
А Лёнька о своём о чём-то думал,
И мы ему орали: «Всё, назад!»

Я бросился за ним с медвежьим рёвом:
«Эй, ты, очнись, в своём ли ты уме?»

Но тут же был стихией измордован
И в поручни вцепился на корме.

И в этот миг, счастливей всех на свете,
Вокруг себя не видя ничего,
Заманский в лоб пошёл на этот ветер
И грудью навалился на него!

Мол, кто ты есть, я сам тебя урою!
А ну-ка шагом марш отсюда вспять!
И, вскинув кулаки над головою,
Он крикнул нам: «Держаться! Жить! Стоять!»

Под хриплую какую-то сирену
Как будто смерч к нам шёл из темноты.
И Лёнька вдаль грозил: «Торнадо хренов!
Да это я торнадо, а не ты!»

«Кто спятил – рядом с ним подите встаньте!» –
Мне думалось, – скажу, как на духу, –
Что этот шквал сомнёт его, как фантик,
И с палубы сметёт, как шелуху!

Но нет – у них бодание на равных
Конкретно шло по типу «быть – не быть»,
И никакой там риск тяжёлой травмы

Его не мог уже остановить!

Не то, чтоб это были два барана.
Скорей, два носорога, два слона.
Кино «Заманский против урагана»
Когда-нибудь увидит вся страна.

Я снял тогда на видео те волны,
Тот чёртов ветер – сорок пять секунд,
Как лапы ливня Лёньку в свете молний
За шкуру держат, хлещут и секут,

И нераскрытый зонтик, как рапиру,
В сырую мглу вонзив по рукоять,
Он морю, звёздам, небу, всему миру
Кричит: «Эй, вы, не падать, жить, стоять!»

-6-

Мой читатель, ты мне не поверишь,
Мол, такое в моей голове лишь,
В сновиденьях возникнуть могло,
Но всего полчаса миновало,
А вокруг, вон, ни бури, ни шквала,
Всё плохое исчезло, ушло!

Штиль не штиль, но потише, получше

Сразу стало вокруг. Даже тучи
Унеслись врассыпную, аврал! –
Словно серые в море селёдки!
Мы за это махнули по сотке, –
Это Лёнька их всех разогнал!

Вот оно и в мозгах уложилось,
Всё, что раньше во мне копошилось,
Всё устроилось в мыслях моих –
То, что нас не поднимут на вилы
Никакие зловещие силы,
Если грудью стоять против них!

Я синоптик теперь? Да едва ли.
Но прогноз мой такой, что не свалит
Никакая стихия тебя,
Если ты, как Заманский, – с рапирой.
(Кстати, лучше его не копируй,
Чуть ошибся, и дело – труба).

Мы хорошо в кризисе отдохнули.
Майор наш, правда, малость начудил –
В Стокгольме, где в пивной его надули,
За мордобой в кутузку угодил.

Надули как? Он пива по-английски

Себе четыре кружки заказал,
При этом вместо «пиво» слово «виски»
Он произнёс. Других он слов не знал.

В итоге и того он, и другого,
И третьего хлебнул, чтоб лакернуть,
И дважды повторил, от пуза, вдоволь,
И бармена пять раз пытался пнуть.

Конечно, всё в итоге шито-крыто.
Он там сказал в застенках, в той норе,
Что в детстве он по поводу рахита
Насмешкам подвергался во дворе.

Психолог, что сеанс ему давала
В легавке ихней типа КПЗ,
Три дня потом от жалости рыдала,
Была, как говорится, на слезе!

Отмазали, короче. Алкоголь мы
Ни капли не даём теперь ему,
А вот другие в городе Стокгольме
Проблем не создавали никому.

Среди их городского шума-гвалта,
Освоившись внутри чужих земель,

Мои друзья, Зубило и Кувалда,
Купили пневматическую дрель.

Чтоб их отвлечь от пагубной напасти,
Чтоб спирт «Рояль» мозги им не сковал,
Воздушный шуцер в качестве запчасти
Им Сашка от души презентовал.

Они регулировку оборотов
На трезвый мозг усвоили вполне
И презирали пьяных обормотов,
Позорящих себя в чужой стране.

-7-

В общем, отдых удался на славу.
Мы увидели ихние нравы
И сумели себя показать.
Да, не всё там у нас получалось,
Аж терпенье у Лёньки кончалось,
Если правду вам всю рассказать.

Он майору орал: «Да пойми ты:
Скандинав толерантен к рахиту
Как к явлению, зная, что он
Провоцирует психику к срыву,
И по ходу распития пива

Ничего ты не ставишь на кон –

Даже если бузишь, дебоширишь,
А взглянуть так поглубже, пошире –
Есть места ещё, где нас не ждут,
Дефективных на группы не делят,
Там не только тебя отметелят,
А, возможно, ещё и сожрут!»

Мы, как в море, в Москву окунулись,
В толкотню переулков и улиц.
Я скучал по тебе, дом родной!
Нас опять карусель закрутила,
Лишь майору предписано было
Поработать ещё над собой.

Москва, Москва, как много в этом звуке! –
Поэт одной строкой мозги вспорол
Согражданам своим, а эти суки
Его спокойно бросили под ствол.

Нет, не сказать, чтоб все такими были,
Имел-таки поэт какой-то тыл,
Но парня так технично притравили,
Что пулю он свою заполучил.

Дуэль – она навроде инструмента,
Простейший путь, не надрывая жил,
Легально закошмарить оппонента,
С кем только что шампанское глушил.

Короче, мы всегда себе умели
Подкладывать подобную свинью.
Ребята, что касается дуэлей,
Я этот инструмент не признаю.

Мне просто так башку не интересно
Свинцом сносить случайному врагу.
Я мирный парень, это всем известно,
Хотя по рылу тоже дать могу.

К чему я это всё? А всё к тому я,
Чтобы сказать вам, братцы-кореша,
Без всяких выкрутасов, напрямую:
Москва была в те годы хороша!

Там люди на дуэлях друг по другу
Не били в лоб, как в прежние года, –
Да, по чужим бывало, с перепугу,
Но по своим, как эти, никогда!

Какие эти? Да такие «эти» –

Дантесов всяких долбаных толпа,
Каких полным-полно на белом свете,
Любого задавил бы, как клопа!

Нет, чтобы на войне, на поле боя
Отчизну от набегов защищать,
Графья, князя друг дружку с перепоею
Любили у барьера постращать!

Кошмар, чума болотная, ей-Богу,
Такая вот была в то время хрень –
Бесперебойно, хоть и понемногу,
Свои своих валили каждый день.

-8-

Я поэт, но никак не историк.
Сядь, читатель, со мною за столик,
Мы по рюмке с тобою махнём
За него, за отличного парня, –
Вся Россия ему благодарна, –
За погибшего в тридцать седьмом!

Да не в том, про который все знают, –
Да уже и добром вспоминают
(Есть такие) масштаб и размах
Той стрельбы, что в тюремных подвалах

Ни на час, ни на миг не смолкала,
До сих пор ещё эхо в ушах.

Дрянь дела-то. Но я не про это.
Я про год, когда пулю в поэта
Вколотили, как гвоздь – получи!
И нормально потом пили-ели...
Что сказать? Кто придумал дуэли,
Те и есть для меня палачи.

Да, весёлые были денёчки.
Девяностые – мелочь, цветочки,
Не водилось такого у нас,
Чтоб открыто, спокойно и скоро
Сам себя истреблял без разбора
Этот долбаный правящий класс!

Вообще, кто правил, было непонятно,
Мы все имели шансы прихватить
Природные ресурсы за бесплатно,
Поскольку было некому платить.

Хотели, но не стали – жизнь дороже.
Да, пару слов о звуках той Москвы:
Их стройный лад томил меня, тревожил,
Как хоровод танцующей листвы.

Гитары и гармошки рвали душу,
Она тогда была почти у всех.
Творцы, что не желали бить баклуши,
На улицах сражались за успех –

Из бывших филармоний виртуозы,
Перелистнув судьбы своей главу,
Где заработок был сплошные слёзы,
Пытались удержаться на плаву.

Без всяких уже званий и регалий,
Они и вправду были хороши
И на Арбате лихо зажигали,
И денег им давали от души.

Да, выступать на людях было в моде,
Где сцена – рынок, улица, вокзал,
Да я и сам в подземном переходе
Бывало, свои песни исполнял.

Они в то время были мрачноваты,
Девчата даже плакали под них,
Но разве мы, поэты, виноваты,
Что время бьет нам в рожу и под дых?

Как спринтер, зазевавшийся на старте,
Спешил я жить и петь, пока дают.
Но время перемешивает карты.
Сегодня на Арбате не поют.

Тогда же новый мир, рождаясь в муках,
Играл и пел, плясал, в литавры бил,
И как же много было в этих звуках,
Москва тех лет, как я тебя любил!

-9-

Время шло. В девяносто четвёртом
Лёнька был всё таким же упёртым.
Он блокнот, наконец, дочеркал
Кривобокой цифирью какой-то,
И вердикт, словно выстрел из «Кольта»,
Среди белого дня прозвучал.

Он собрал нас в своём кабинете
И сказал: «Я завод заприметил
И уже просчитал, что к чему –
Он как замо́к стоит неприступный,
Надо сразу вложиться и крупно,
Даже страшно слегка самому.

Как там, что, я не знаю детально,

Но поднимемся мы капитально,
В перспективную нишу войдём,
Мелкотравчатость всю позабудем
И своим торговать уже будем
Стратегически важным сырьём.

Мы ему: что ж, весёлое дельце,
А представь, что состарится Ельцин,
И другие на смену придут,
И с тобой поработают тесно.
Как? Вот так – откровенно и честно
В интересах страны обдерут.

Он нам в ответ: Ребята, ну чего вы,
Я вас никак сегодня не пойму,
Мой план, возможно, в чём-то и хреновый,
Но сколько я готовился к нему!

Волков бояться – дома на диване
Сидеть и пиво «Балтика» хлестать,
И точно уж на яхте в океане
Сквозь шторм не плыть и в космос не летать!

А это он, я чувствую, ребята,
Вот там мы развернёмся наконец,
А кто не хочет – режь себе в салаты

Кружочками солёный огурец!»

«Постой, не кипятись, остынь немного! –
Уже поостроже надо было с ним, –
Заманский, цыц! У нас одна дорога,
Но мы на ней замёрзнуть не хотим,

Как тот ямщик, что в песне. Не дождутся
Лентяи, что умеют лишь свистеть
Вослед идущим. Лёня, хватит дуться,
Про ямщика бы хором лучше спеть.

Ну, что, погнали, – вдумчиво, тихонько,
Давай, братишка, помни, не тупи,
Что люди замерзают, слышишь, Лёнька,
Когда они одни в глухой степи.

Мы за тобой пойдём в жару и в стужу,
В любой огонь, но всё-таки сперва
Нам надо знать, что ты с мозгами дружишь,
Что у тебя в порядке голова.

В одном ты прав: пора менять орбиту,
Но космос тоже разный, ты пойми –
Мерзавцы, негодяи, паразиты
Там часто притворяются людьми.

Да, надавать им хочется по шеям.
Козлы – кругом, и жалко, нету слов,
Что мы в высоких сферах не умеем
Уменьшить концентрацию козлов!»

-10-

Лёнька внял, что нисколько не странно,
Пару дней посвятил сбору данных,
Чем проект может быть заменён –
Тот, что он самолично надыбал,
Даже что-то нам вроде «спасибо»
Хоть со скрипом, но выразил он.

«Все согласны, что знание – сила.
Знаю! Братцы, ура! Осенило! –
Это Димка запел соловьём, –
В стороне от колхозных угодий,
Где я жил, есть какой-то заводик,
Вот давайте с него и начнём.

Раз уж Лёнька на дело решился
И рублями нормально разжился,
То чего там, пора стартовать,
Я историю слышал такую –
Там народ без зарплаты кукует

И хозяев готов разорвать.

Металлурги какие-то вроде
До сих пор там чего-то возводят,
Выплавляют незнамо чего.
Печи есть – не буржуйки, конечно,
То есть мрак не такой уж крошечный,
Так чего ж не развеять его?»

И Лёнька наш, от радости зажмурясь,
Как золотой червонец, просиял:
«Ну, слава тебе, Господи, проснулись,
Я предлагаю тост за россиян,

Способных покорять любые горы,
Талантливых, весёлых, молодых,
За нас, ребята, к чёрту разговоры!
Даёшь дела! Один остался штрих –

Нам нужен, чтобы знать, как карта ляжет,
Научный консультант, авторитет,
Который в плане мозга нам подскажет,
Готовы мы к победе или нет.

Страна у нас большая, есть такие,
Мы лучшего отыщем, одного –

Уж если мы идём в металлургию,
В которой мы не смыслим ничего».

Мы смахиваем в чём-то на баранов.
Прошло три дня. Мы лучшего нашли.
Друзья, знакомьтесь: Валентин Губанов,
Он нам поможет свет найти вдали.

А, может, тьму иль что-нибудь похлеще,
Такое, что господь не приведи, –
Агломератчик, доменщик, литейщик,
Он объяснит, чего там впереди.

Заманский, Сашка, Димка, все ребята,
Топ-менеджеры, десять пар ушей,
Мы слушаем Губанова. Он краток
Он знает всё в профессии своей.

Ему за шестьдесят. Он гибкий, ловкий,
И взглядом тренированным своим
Я видел всё, как есть: на стометровке
Едва ли мы угонимся за ним.

Он быстро описал и очень ясно,
Без всяких стилистических красот,
Что не такой уж он и распрекрасный

Тот самый путь, что манит нас и ждёт.

Он сказал нам: друзья, я про вас уже слышал немало,
Только надо понять: как бы ни были вы хороши,
Вам нельзя забывать одного: есть душа у металла,
Дай вам Бог, чтоб она стала частью и вашей души.

Здесь экзотика если и есть, то предельно простая –
Колдовством это чьим-то считай или даром богов, –
У металла душа, я пожил, я давно это знаю,
Изначально чиста, как ручей среди горных снегов.

Если чистый родник превратился в гнилое болото,
Если нету души, всё вокруг рассыпается в прах,
Потому и не счесть по России заводов-банкротов –
Закопчённых гигантов на глиняных рыхлых ногах.

Там, где мутью подёрнуты главные мысли и цели,
Там, где совесть в сердцах в тишине и тепле сладко спит,
И где люди понять ничего никогда не сумели,
Строим в ногу уныло бредущих – металл не простит.

Вы ходить научились, как надо, а, значит, не в ногу,
Ни болотных чертей не бояться, ни грозных богов,
И осилить её, эту вашу крутую дорогу,
Шансы, в принципе, есть с вашим качеством мышц и моз-

ГОВ.

Лёня, ваш командир, может всё рассчитать и расчислить,
Этот яростный ум, псих в беретке, сорви-голова!
А душа, уж поверьте, без ярости, силы и мысли,
Как на свалке в колхозе тот лом, холодна и мертва.

Да, я знаю про подвиги ваши, наслышан.

Леонид, извините за психа, но я ж не вчера

Всё про вас разузнал. Так держать! Пусть вас в книжке
опишут.

В общем, парни, давайте, как в песне, всё выше и выше!

Ваше время пришло. Вы готовы. Стартуйте. Пора!

А ещё – мой постскрипtum: завод – вот ваш храм и обитель.

Он живой. Он поможет, он многое сделает сам,

Если вы его вправду поднять из развалин хотите,

А не просто карманы набить и пойти по домам.

Ну что ж, другие дни у нас настали,

Завод поставлен во главу угла,

Мы целый месяц акции скупали,

Там долгая история была.

За них наш босс платил легко и щедро

И грыз гранит науки по ночам,
Врезаясь, словно бур в земные недра,
В таблицы по градирям и печам.

Да-да, одной такой конкретной ночью
Заманский, злой и буйный, словно лев,
Учебник разорвал зубами в клочья,
От формулы какой-то охренев.

А утром он в соседний околоток,
Как конь уже, несётся во всю прыть –
Структуру кристаллических решёток
С Губановым на пару обсудить.

Ещё одну обгрызанную книгу
Он положил Губанову на стол:
«Не бьётся, чёрт возьми, хоть стой, хоть прыгай,
Одно с другим, чего я тут прочёл!»

Я скоро буду бонусы за вредность
Давать себе, простому мужичку,
Поскольку переменная валентность
Мне постоянно бьёт по мозжечку!»

Смешались в кучу сдвинутые ложки,
И от окна со светлой стороны

Следы укусов были на обложке
Особенно отчётливо видны.

«Долой печаль, друзья мои, учитесь,
И мы расправим крылья и взлетим!
Спокойней, Леонид, не горячитесь! –
Сказал ему Губанов Валентин, –

Ей-Богу, невеликая загадка –
Всех этих странных чисел перепляс,
Должно быть, там случилась опечатка,
Так сильно опечалившая вас!»

Он оценил при этом Леонида:
У Лёньки отложилось в голове
Отличие оксида от карбида.
Он был один такой во всей Москве.

-11-

Я добавлю своими словами:
Поразъехались люди с мозгами,
Кто бы двигал науку вперёд
Здесь, у нас. Но случилось иначе –
Усвистел, улетел за удачей
Мой любимый советский народ.

Хорошо хоть, не весь. Ну и ладно,
Что моих земляков беспощадно
Век, подлец, разбросал, как дрова.
Эх, пропали друзья, потерялись!
Но Губанов и Лёнька остались.
Это значит, Россия жива.

Валентин на Заманского глянул,
Что с рассветом неожиданно нагрязнул,
И сказал сам себе: «Будет толк
Из колючего этого парня,
Что прослушал урок благодарно
И над книжкой в углу приумолк.

Он ещё ему дал на дорогу
Стопку книг, мол, поймёшь понемногу
Всё, как есть, про себя самого.
А потом пошутил: «Больше ходу!
Шаг ровней! Пятилетку – в три года!»
«В месяц», – Лёнька поправил его.

Пять лет на металлурга в ВУЗе учат.
У Лёньки было ровно тридцать дней,
Чтоб лучше стать – умней, сильней и круче,
И он вперёд погнал своих коней!

Точней, коня. Он сам себя пришпорил
И мне велел команду создавать,
Надёжный коллектив, который вскоре
В боях победы будет добывать.

Что ж, бизнес – это гонка. Кто быстрее,
Тому и покорится пьедестал.
В бою, в борьбе, шалея и зверея,
В призёры я обычно попадал.

А тут – металлургия, производство,
Какой он, этот спорт, поди пойми,
Да никакого нету даже сходства
У тех, кто в нём, с обычными людьми.

Там всяческих полно своих законов,
И я их только начал постигать,
Но мне приказ – команду чемпионов
Вот так вот с ходу взять да и создать.

Эх, были, помню, классные ребята,
И на чужбине каждый запропал!
Я по знакомству сам для них когда-то
В один конец билеты покупал.

Ну где искать спецов и управленцев –

Отважных, сильных, умных, молодых,
Чтоб никаких там вредных заусенцев
В мозгах и душах не было у них?

Хоть жили мы тогда порою худо,
И наш доход был – жалкие гроши,
Зато на всех углах, везде и всюду,
Плясали мы и пели от души.

И вот я по родной столице нашей
Хожу, разинув рот, как идиот,
Найти хочу полезных персонажей
Как раз из тех, кто пляшет и поёт.

-12-

Странноватый подход, понимаю,
Но не выжил ещё из ума я,
А по-своему где-то и прав:
Кто поёт? Кто не сдался, не спился,
Нам бы точно такой пригодился,
Кто живёт, даже всё потеряв.

...Над перроном, над Курским вокзалом
Ветер взвыл, будто душу кинжалом
Полоснул, и лихой гармонист
С ним вступил в переключку на равных,

И на рельсы пикирует плавно
Одинокий осиновый лист.

И под эту мелодию пляшет,
Будто землю подошвами пашет,
Парень в кепке, сшибая рубли –
Бьёт, колотит вовсю, что есть мочи,
Каблуками в асфальт, будто хочет
Достучаться до сердца земли!

Только музыка смолкла едва лишь,
Я спросил его: «Кто вы, товарищ,
Что явились на этот перрон
Под гармошку плясать до упада?
Инженер по котлам? – то, что надо,
Вот аванс, вот вам мой телефон».

Я парень шустрый, грамотный, речистый,
Мне придала удача новых сил,
И в тот же самый день саксофониста
Я на работу к Лёньке пригласил.

Вообще ему другая тема ближе,
Он знает теплотехнику, он наш,
А саксофон освоил, чтобы выжить,
А не впадать в беспомощность и блажь.

От царства нот – забавных финтифлюшек –
Дистанция не так уж велика
До королевства фланцевых заглушек,
И он её пройдёт наверняка.

Вот так я и нашёл за две недели
Для наших целей двадцать пять персон.
Они решили быть со мною в деле
И позабыть печаль, тоску и сон.

Им заработок нужен до зарезу,
Их обморок ещё не обволок,
Как ржавчина бесхозное железо,
Их не согнула жизнь в бараний рог.

Я им давал авансовую ссуду,
Они, я знал, как с удочки лещи,
Соскакивать по-тихому не будут,
Мол, деньги взял и всё – ищи-свищи!

Такая вот невиданная штука.
Не зря столица пляшет и поёт.
Москва, Москва, как много в твоих звуках
И в тех, кто эти звуки создаёт!

Никто аванс в итоге не зажилил
При том, что он не так уж был и мал.
Вот так мы в девяностые и жили –
На улице искали персонал!

Час «икс» настал. Вперёд – к деньгам, к успеху!
Сомнения долой из головы!
На трудовую вахту надо ехать
За триста вёрст на север от Москвы.

-13-

Мы с утра ровно в пять стартанули.
Кто хотел, за знакомство глотнули.
Два автобуса нас повезли.
Лёнька там по цехам уже лазил,
Был на месте, налаживал связи,
Бушевал от столицы вдали.

Мы узнали его, но не сразу –
Он встречал нас, весёлый, чумазый,
Он махнул : «Эй, здорово, Москва!»
Под свистящим и воющим ветром
Он нам речь произнёс: «Мой совет вам –
Поскорей засучить рукава!»

Катька – та, что у Сашки супруга,

Как зайчиха, легко и упруго
Начала от восторга скакать,
«Я теперь – теревит она Саню, –
Исторической личностью стану,
Нам с тобой целину поднимать!

Если так хорошо присмотреться,
Что нас ждёт? Знаю, что: праздник сердца
Всем холодным ветрам вопреки.
Я заметною стану фигурой,
А кто раньше дразнил меня дурой,
Вот они-то и есть дураки!»

Поддерживаю. Катька эти годы
Училась, как безумная, всему,
Что надо для подобного захода,
Поскольку мы готовились к нему.

Мы столько раз про это говорили,
Как мы пойдём работать на завод,
Что даже ей на пробу поручили
Освоить управленческий учёт.

Она трех репетиторов имела,
Чтоб лучше математику учить –
Старалась, так как очень не хотела

Любимого супруга огорчить.

И вышло ведь, нормально получилось, –
И нужная профессия при ней.
Она в финансы по уши влюбилась.
(Но Сашка, разумеется, главней).

Она теперь боец на поле брани,
И, не жалея времени и сил,
Впряглась и до упада лямку тянет.
Завод её признал и полюбил.

Спецовка, каска – вот её доспехи,
Серьёзные настали времена –
Объёмы производства в каждом цехе
Посуточно планирует она.

Ну кто б от Катьки ждал подобной прыти,
Ей прямо ветер дует в паруса!
Товарищи, друзья мои, любите!
Любовь творить умеет чудеса!

И даже Лёньке стало не до смеха,
Он посмотрел, признал: процесс идёт,
Да и любовь карьере не помеха,
А, в общем-то, совсем наоборот.

Она вращает ложкою в стакане,
Сажая Сашку ужинать за стол:
«Сань, правда, я – как шхуна в океане?
А ты такой эсминец, ледокол!»

-14-

Непростой был завод, непонятный,
Вроде вот они, светлые пятна,
Раз – и всё уже, полный завал!
Бегемот на боку, лошадь в стойле –
Вот он кто. Но, такой ли, сякой ли,
Он продукцию всё же давал.

Бизнес был, как фанера, непрочен.
Мы пахали с утра и до ночи,
Хорошо, я ребят притащил
Из Москвы, с площадей и вокзалов,
Где душа у них пела, плясала
До потери сознания и сил.

Не обычный их труд, а ударный
Нужен был. Что ж, в Москве эти парни
Закалились в суровых боях
С непогодой, с жизнью, с ментами,
Вот поэтому жаркое пламя

В них не гасло и в этих краях.

Майор на складе доблестно сражался –
Строгал стеллаж и напрочь позабыл,
Что он тогда, в Стокгольме, облажался,
Когда все кружки в баре перебил.

А тут его Заманский вызывает
И тихо так на ухо говорит:
«Ты знаешь, в жизни всякое бывает,
Вопрос один остался не закрыт.

Хоть всё оно неплохо для начала,
Но вот какая, братец, ерунда:
Нас до печёнок, в корень задолбала
Проверок бесконечных череда.

Потребнадзор, пожарка, Роскомсвязи,
Какой-то из легавки главный гад
Нас на предмет возможных безобразий
С пристрастием исследовать хотят.

У этих лиц, которым нету счёту,
На нас большие виды впереди,
Давай-ка ты свози их на охоту
И там контакты с ними заведи».

«Я за тобой пойду везде и всюду,
И, если что, готов хоть на костёр,
А вот медведя убивать не буду! –
Внезапно заартачился майор, –

Да, я в Стокгольме был слегка под «газом»,
И если накосячил в чём опять,
То можете меня единым разом
В лесочек увести и расстрелять.

Одна всего ремарка небольшая:
Мне Мишку жалко – вот моя беда!
Он делать нам работу не мешает,
За что ж его преследовать тогда?»

Завхоз, что рядом был, прочистил горло:
«Какой медведь, ребята, вы чего?
Да всё зверьё в округе перемерло,
И больше не осталось никого.

Да здесь как будто север приполярный,
Здесь даже птицы вымерли на треть,
Но всё равно охота популярна,
Места-то вон какие – обалдеть!»

Лёнька дальше продолжил с майором:
«Всё услышал? Не будь паникёром!
Будь звеном в нашей общей цепи.
Ты с фуражкой, с шинелью расстался,
Это значит, что ты отстрелялся.
Ну при чём тут медведь? Не тупи!

Сумрак, что ли, в сознании, сдвиг ли,
Но к традиции люди привыкли –
На природу с ружьём выезжать.
Здесь и вправду такие красоты,
Что в охотничий домик легко ты
Завезёшь нашу местную знать.

Цель проста – до отключки, вглухую,
В усмерть их упоить, не психуя,
Если кто-то плашмя упадёт
И затихнет, не в силах подняться, –
Нашатырь для таких ситуаций,
Сам увидишь, вполне подойдёт.

А вообще-то для нас в идеале,
Чтоб неделю они не вставали –
Поработать хотя бы дадут.
Если всё мы устроить сумеем,

Хоть чего-нибудь сделать успеем,
Пока вновь они к нам не придут.

«Послушай, Лёнь, а, может быть, Коляна
На это дело командировать? –
Спросил майор, – я знаю, он поляну
Умеет кому надо накрывать.

Я после шведских подвигов зашитым,
Непьющим стал вот прямо с того дня,
Когда я там бравировал рахитом,
Что, мол, нельзя расстраивать меня!»

«Ты знаешь, нет, – в задумчивости набок
Немного Лёнька голову склонил, –
Твой специфичный, всем известный навык
Порой бывает очень даже мил.

Твой креатив там точно будет впору,
Ты там за своего вполне сойдёшь».
«А если вдруг начнутся с ними споры?,
Мне эти бредни слушать – острый нож!»

«Пори в ответ любую ахинею,
Такую, чтоб трещала голова!
И чем оно абстрактней, тем сильнее,

Ты только душу вкладывай в слова!

Мол, мы – в своём законном полном праве,
И не подвластны силам никаким,
Никто нас на колени не поставит,
Ни пяди никому не отдадим!

А можно так: исполним в лучшем виде,
Задавим на корню любую вошь!
Нас из седла не вышибешь! Не выйдет!
Историю назад не повернёшь!

Нас не сломить! И дальше в том же духе,
А если спросят: «Это ты о чём?»,
Ну, на крайняк в режиме расслабухи
Пожми многозначительно плечом.

Но ведь не спросят. Знаешь, если вкратце,
И было так у них, и будет впредь,
Что вряд ли кто захочет сомневаться,
О чём ты будешь тёрки там тереть».

-16-

Мы назначили сбор на субботу.
Лёнька лично позвал на охоту
Представителей местных элит:

«Сам-то я не могу, извините,
Но помощник мой держит все нити,
Он в подобных делах знаменит.

Это бывший майор, наш сотрудник,
Он вам скрасит рабочие будни, –
Следопыт и стрелок, тамада,
То есть мастер по снятию стресса,
Настоящий куратор процесса,
Не какая-то там лабуда!»

Из блестящей и лёгкой латуни
Музыканты мои накануне
Для него смастерили рожок:
«Если люди в лесу разбредутся,
Дуй в него, и они все найдутся,
Мол, спасибо, за нами должок!

Мол, ты жизнь, получается, спас нам!»
«Ты, майор, притворись, несогласным, –
Инструктаж ему Лёнька провёл:
Мол, вы сами так ловко сумели
Сквозь ненастье добраться до цели,
Вот она! – и тащи их за стол».

Ну ладно, укатили, слава Богу,

Пусть вольный ветер кружит им башку.
Мы дали им с собою на дорогу
Примерно сорок литров коньяку.

«Какой-то странноватый выбран вектор», –
Заманский пробурчал себе под нос.
«Да ладно, на двенадцать человек-то! –
Завхоз в ответ тихонько произнёс, –

С винтовкой на плече, наперевес ли,
Они сквозь лес пойдут, не зная сна,
И пир горой закатят, даже если
Невзрачного завалят грызуна.

Тогда и довозить ещё придётся,
И тут уж не поделать ничего.
Не воду же хлебать им из кододца
По случаю триумфа своего!»

Да, вот оно, решение простое:
Всё, что мешает – в лес его, долой!
Чтоб вечен был – без срывов и простоев
Наш труд, азартный, яростный и злой!

Мы временно убрали из повестки
Ненужный пункт подальше с наших глаз!

Майор потом подобные поездки
Для них организовывал не раз –

Для этих шумных дружеских компаний,
Где наводились нужные мосты
В процессе неизбежных возлияний
С ценителями местной красоты!

Их посылать к чертям ни в коем разе
Никак нельзя. И мы вот с этих пор
Создали департамент внешних связей,
Где лидер и начальник – наш майор.

Ну ладно, забегать вперёд не будем.
Он там жиры слегка свои растряс.
Хотя и был их отдых беспробуден,
Зато проверок не было у нас.

-17-

Мы ему благодарны. Пока он
Щурил глаз над звенящим бокалом,
Пел со всеми и спал, как сурок,
И бодал деревянные стены,
Мы литьё с арматурой в три смены
Чётко, слаженно делали, в срок.

Небольшой был завод, так уж честно –
Человек там семьсот, что ли, с чем-то,
Но какие! Читатель, поверь:
Каждый цех, не собачась, не ссорясь,
Жилы рвал не за страх, а за совесть,
Да и Лёнька пахал, словно зверь.

Наше время, увы, быстротечно,
А прекрасное недолговечно,
Как однажды сказал древний грек.
Для меня всё же тема открыта, –
Братцы, вот она, эта элита,
Эти наши семьсот человек.

Я хотел с ними вечно работать,
А со Временем личные счёты
Жизнь сама, если надо, сведёт.
Самых лучших никто не забудет.
Как мы скажем, вот так и всё и будет –
Живы мы, пока память живёт.

Неясное чего-то в этих строках,
Туман какой-то можно уловить,
А это значит, в них немного проку,
Ну, что ж, читатель, так тому и быть.

Оно потом само всё разъяснится.
Ну, а пока за мной, мой друг, вперёд!
Послушай: к нам в окно уже стучится
Весёлый шумный парень – Новый Год!

И нам объявлен сбор предновогодний –
Нам выпивка предложена, еда, –
В заводоуправлении сегодня
Застолье для ударников труда!

В руках свободных, чутких и умелых
Легко звучали, чисто, в унисон
В составе мною собранной капеллы
Гармонь, гитара, скрипка, саксофон.

И ветер в сонной роще за рекою
На спутанных ветвях плакучих ив
С пронзительной щемящею тоскою
Играл какой-то простенький мотив.

Наверное, грустил о старом годе,
Что суматошным был и непростым,
О времени, которое уходит,
О людях, что уходят вместе с ним.

Вдали сугроб – гигантский белый пудель –

Уснул под этот тихий перебор.
«Послушайте, а где все эти люди, –
Спросила Катька, – где он, наш майор?»

Ну ё-моё – ушли, и больше нету,
Ну это что такие за дела?
А может, их метель по белу свету
За сине море к чёрту унесла?

А вдруг, с колючим инеем на рыле,
Из леса пробираясь сквозь пургу,
Они назад дорогу позабыли?
Я с этим примириться не могу!

Есть жажда жизни, это всем известно,
В любой букашке, в каждом муравье!
Они придут, от холода воскреснув,
Попробовать салат мой оливье!»

-18-

...Свист в ушах – как гудок паровоза.
Ну и ну! К нам явилась с мороза
Эта шатия-братия вся
Во главе с нашим бравым майором,
И давай нам расписывать хором
Про какого-то, на хрен, лося!

Мол, три дня, надоедлив, как насморк,
Снег летел. И сохатый, как айсберг,
Как вагон электрички, на нас
Сам собой из тумана наехал,
Простофиля, балбес, неумеха –
Возле домика, как на заказ.

Мы на час к вам сюда заглянули, –
Посидим, и домой сразу пулей,
Успокоить родных: всё путём –
Живы, мол, что зазря волноваться?
Сколько ж не было нас? дней двенадцать
Мы гонялись этим лосём?

Это счастье – в товарищей веря,
Эффективно преследовать зверя!
«Лось-то где?» – их Заманский спросил.
«Да в итоге сбежал, вот же сука!
Да, охота – азартная штука,
Много требует нервов и сил!»

Голодные, замёрзшие, с устатку,
Они почти что падали уже,
Глава района в пляс пошёл вприсядку
И рухнул, хоть и был на кураже.

Нормальные ребята оказались,
Они по ходу вечера не раз
В охотничьих рассказах состязались
Про тонкое чутьё и зоркий глаз.

Глава – известный хват, весёлый ухарь,
Он больше всех от холода дрожал,
Но был прогресс – оттаивало ухо,
Пока он оливье уничтожал.

«Благодарю, – сказал, – за угощенье! –
И посмотрел мечтательно в окно, –
Коньяк хорош для кровообращения,
Но он у нас закончился давно!»

Ну, это можно, это даже нужно,
Налей по полной, раз уж ты глава,
Чтоб нам работать весело и дружно,
Чтоб родина всегда была жива!

Вот прокурор с начальником таможни
Пьют за майора дважды по сто грамм:
«Во-первых, он лесник такой, таёжник,
А, во-вторых, эксперт по коньякам!

И он теперь наш брат. Мы так решили.
Мы с ним делили радость и беду.
Он был зашитый. Мы его расшили.
Он жизнью и с судьбой теперь в ладу.

Беда какая? То, что нам добычу
Не удалось догнать и застрелить,
Но он, дневную дозу увеличив,
Помог нам неудачу пережить

И хоть мы с ним в застольных наших спорах
Сходились не всегда и не во всём,
Он сохранял сухим ружейный порох,
Участвуя в погоне за лосём,

Который в чаще ловко так петляет
И причинил нам множество хлопот,
Но раз остался жив, то пусть гуляет,
По крайней мере, встретит Новый Год!

-19-

В общем, мы хорошо посидели,
Напоследок слегка прибалдели ,
Но и пьяными не были в хлам,
Разноплановым тешились зельем
От души, но потом всё же к семьям

Ровно в десять пошли по домам.

А наутро – опять на работу.
Воскресенье там, праздник, суббота,
Это всё не влияет никак
На процесс выполнения плана
Нету права у нас, скажем прямо,
Отступить от него хоть на шаг.

Да, непросто пахать после бала!
Нам работа вздохнуть не давала,
Хмель, как лось тот, ушёл без следа!
Снова дни, как с горы, покатались,
А проверки и впрямь прекратились
Будто не было их никогда!

Жаль, майор, одурев от нагрузки,
Продолжал говорить не по-русски.
Что-то сбилось в его голове,
Словно в некую тёмную нишу
Он вошёл, а обратно не вышел,
Заплутал вроде ветра в листве.

Теперь он закрепился в новой роли:
Пройдя тогда у Лёньки инструктаж,
Он свои мантры так и балаболит,

Притом, что сам не псих и не алкаш.

Как сядет на какую-нибудь тему,
Уже вокруг не видит ничего,
Как будто где-то в мозге микросхема,
В извилинах таится у него.

И мы ему: хорош про мирозданье
Втирать нам под углом нетленных скреп,
Мы поняли! Ты выполнил задание,
Ты честно отработал весь свой хлеб!

Смотри, майор, луна какая светит!
К тебе у девок жгучий интерес!
А он орёт, что кое-кто ответит
За действия, идущие вразрез!

При этом повариху Зинаиду,
С которой вместе время проводил,
Сознательно вполне, а не для виду,
Как женщину и друга, полюбил.

Она внутри себя сначала злилась:
«Чего там за туман в его башке?»
Ну, а потом ввиду любви смирилась –
Должна же быть загадка в мужике!

С души, как со ступеньки скользкой, стылой
Сомнения сметая, словно снег,
Лишь только раз она его спросила:
«Ты можешь говорить, как человек?»»

«Нет, не могу, – ответил он, зато я
Невиданный в твоём лице улов
Сумел заполучить. Где нет застоя,
Там человек способен на любовь!»»

Ну, вот уже теплей, – уже по делу
Он вроде начинает выступать,
Но раз, и всё! – и вновь, как очумелый,
Кричит, что не воротишь время вспять!

Она ему: «Ну что ты меня грузишь?
Я что тебе – машина, грузовик?»
«А то грузу, что в самом умном ВУЗе
Ты хрен постигнешь то, что я постиг!»»

-20-

Ладно, что уж теперь, как умеет,
Так пускай потихоньку и мелет
Всё, что хочет. Плевать. Заслужил.
Как-никак, веренице вопросов

Проверяющих нас кровососов
Он на время конец положил!

Это я о проверочных рейдах
И о наших мозгах перегретых
По итогам дебатов и склок,
Что порою у нас возникали,
Когда с нами консенсус искали,
Чтоб нам штрафы оплачивать впрок.

Время шло. Мы уже были в силе,
Мы в окрестностях корни пустили,
К нам отличный народ приходил,
Не сказать, что непьющий, но всё же
Каждый бился вовсю, лез из кожи,
Чтоб завод развивался и жил.

Мне друзья из столицы звонили,
Зазывали обратно, манили:
«Эй, ты как там, здоровый, живой?
Вы от стали своей не устали,
И вообще – богачами-то стали
В ходе вахты своей трудовой?»

Конечно, кое-что мы наварили.
И про судьбу счастливую свою

Мы, не стесняясь, прямо говорили
По радио и в телеинтервью.

При этом мы реально помогали
Спортсменам, ветеранам, детдомам,
И абсолютно не предполагали,
Что нам дадут за это по рогам.

Мол, есть же федеральные программы,
Ну и зачем соваться мимо них?
Заманский ваш – настырный бык упрямый,
Он должен больше думать о других!

Не так чтоб мы уж очень претендуем
На ваш благотворительный бюджет,
А просто по-людски рекомендуем
Не забывать наш скромный кабинет.

Нам и чихать-то было не по рангу
На это оборзевшее жульё,
Мы не вступали с ними в перебранку,
А просто дело делали своё.

Чтоб малость просветлел он, облик хмурый
Теперь уже родной для нас земли,
Из кучи хлама новый дом культуры

Мы заново, по сути, возвели.

Колонны вознеслись, как кипарисы;
Фасад в узорах явно был не плох,
Где двадцать лет хозяйничали крысы
И на руинах рос чертополох.

И как-то наша Катька утром рано
Пришла туда: «А где здесь педагог,
Чтоб он колоратурное сопрано
Мне обнаружить в голосе помог?»

Другие пусть сачкуют и филонят,
От сложных арий малость подустав,
А я в голосовом диапазоне
Хочу иметь в запасе пять октав!»

Она в итоге лучшие частушки
Смогла освоить меньше, чем за год,
И звуки по башке, как колотушки,
Уже не бьют, когда она поёт!

-21-

Как лодку на волнах в большом пороге,
Мотало нас на выбранном пути.
Прошло полгода. Первые итоги

Уже уместно было подвести.

Нас так и не смогли, как кашалоты,
Высокие инстанции сожрать,
Завод набрал такие обороты,
Что нам самим их было не понять.

«На кой нам хрен Канары и Карибы –
Сказал Заманский – пальмы нам на кой!»
Он тост провозгласил: «Друзья, спасибо
За то, что вы приехали со мной!»

Ребята, хорошо, что всё так вышло!
Да хоть какой с балкона классный вид,
В родной земле не так уж много смысла,
Когда на ней работа не кипит!»

«Аллуров нам и всякой мелкой рыси
Не надо! – Катька вторила ему, –
Мы вознеслись в заоблачные выси
Благодаря сноровке и уму!»

И пусть завод наш – вот вам моё слово –
Формально расположен на земле,
Я словно Валентина Терешкова
В космическом летаю корабле!»

Она права. Бухгалтерские счёты
Мы выбросили. Нету больше их.
Дружить с мозгами – вот наш стиль работы.
Не так уж много было нас таких.

Но всё же находились грамотеи,
Что были объективно хороши
В своих боях, при этом не имея
Ни совести, ни чести, ни души.

Они уже плели свои интриги.
С недобрыми вестями в поздний час
Сам прокурор, дрожа от холодрыги,
Явился рассказать нам свой рассказ.

В нейтральной неприметливой одежде,
Рассеянно куда-то глядя в пол,
Не так, чтобы инкогнито, но всё же
Он как нормальный парень к нам пришёл.

-22-

В окнах алый закат. Небо. Птицы –
Галки, зяблики, что ли, синицы,
И над тихой рекою вдали
Облака, как кровавые пятна.

«Для меня всё предельно понятно, –
Он промолвил, – устал. Довели».

Мы его самогонкой и салом
Угостили. «Спасибо, – сказал он,
Пыль сдувая с роскошных усов, –
Кой-кому взять вас даром охота.
Закрывайте покрепче ворота
Изнутри на железный засов.

Это вам удружили соседи,
Ни один грузовик не заедет,
Чтоб продукцию вашу забрать.
Мне их главный застрельщик неведом.
Я не буду участвовать в этом
И на ваших костях пировать».

Он хоть без формы был, но при печати.
Он попросил стакан и сел за стол.
Сейчас я поясню тебе, читатель,
О чём вообще он речь свою повёл.

Ты помнишь, те далёкие просторы,
Где подковать жука или блоху
Мог Сашка наш, тот уникам, который
Шаманил в арендованном цеху?

Вот так и здесь – огромная промзона
Нас окружала с четырёх сторон.
Как пень внутри помятого газона,
Завод наш был в раздумья погружён.

Он многое, наверно, передумал
Про то, какая вышла хреновня
Вокруг него. Зачем я здесь стою, мол,
Срубил бы уж хоть кто-нибудь меня!

Ну, то есть, разобрал бы на запчасти
Или порезал на металлолом!
Он как оазис стал при нашей власти
В пустыне, что раскинулась кругом.

Пустыня-то пустыня, да не очень,
Там тоже раньше делались дела,
Она сама заводом, между прочим,
Раздолбанным, убитым, но была.

И вот какой-то здешний ухарь ловкий
Захапал эту зону, сукин сын,
Чтоб тоже сталь катать из заготовки,
Ну ровно как и мы, один в один.

Но это надо строить производство!
Не проще ли у нас его отжать?
А как? Да в паре с местным руководством
Нас на крючке каком-нибудь держать.

Как ни крути, по нам ударят с тыла!
Со всех сторон у нас он, этот тыл –
Разведка наша так и доложила,
И прокурор нам это подтвердил.

-23-

Как ударят? Да всё очень просто –
Все вопросы поставлены остро:
(Правда, действий пока никаких):
Ваш завод будет вскорости нашим,
Вот тогда и споём, и попляшем,
Да и выпьем за вас, молодых!

Группа личностей нам очевидна,
Что к делам приступила солидно –
Этот крепкий людской монолит.
Нам завод наш продать предлагают
И шестёрок своих присылают
Представители местных элит.

«Мы за вами давно наблюдаем,

Многим так бы пахать, да куда им,
Мозг, энергия, грудь колесом –
Всё при вас, молодцы, мы серьёзно,
Так давайте, покуда не поздно,
Всё подпишем, и дело с концом!

Да, конечно, недорого будет,
Но отчизна про вас не забудет –
Восвояси к столичной родне
Мы дадим вам спокойненько съехать, –
Месяц, два ещё есть, нам не к спеху.
Нет? Ну что ж, мы готовы к войне.

И вот уже различные конторы
Нас начали по полной прессовать –
К примеру, наши банки-кредиторы
Нас больше не хотят кредитовать.

Их главный воротила, гад двуличный,
Кричит: «У вас сверхприбыль! Станный факт,
Что всё у вас как будто бы отлично,
Но шкурой чую: вряд ли это так!»

В налоговой инспекции, напротив,
Вот так вот прямо пальцем тычут в нас:
«Вы это покажите своей тёте –

Фиктивный ваш, рисованный баланс!»

Нам говорят, мы прибыль не желаем
В отчётах, как положено, светить,
Что мы её специально занижаем,
Чтоб нам с неё налоги не платить!

Глава района, кроя без разбору
Охоту и рыбалку, всех и вся,
Решил инкриминировать майору
Упущенного ранее лося.

«Он, сволочь, из себя такой огромный, –
Сказал глава, – я видел, не забыл –
Отличная мишень, я это помню,
Ты мог его убить, но не убил!

Там просто подходи с любого бока,
Так что же ты промазал? а? скажи!
И почему позволил нам до срока
Покинуть огневые рубежи?

Ненужное в тебе тогда геройство
Сидело, словно танкер на мели,
Мы друзья скончаться от расстройства
Ввиду инфаркта запросто могли!»

И Лёнька, проходя по делу мимо,
Обрывок этой речи ухватив
И поведя плечом неуловимо,
Не преминул сказать: «Но ты-то жив!»

Тот проворчал: «Небось, мы не тупее»,
Но после, несмотря на свой ответ,
По ходу всей текущей эпопеи
Был тихим и держал нейтралитет.

Чего он там подумал – неизвестно,
Но так ли, сяк, в глубинах головы
Шуршала мысль: ведь это ж интересно –
Давить интеллигентов из Москвы!

Чтоб грязь они хлебалом пропахали!
И самый кайф – смотреть, как прах и пух
Летят из них со всеми потрохами!
От этого захватывает дух!

-24-

Эпопея уже стартовала –
Бред собачий, режим карнавала,
Мы товар вывозить не могли,
Наш завод оказался в блокаде –

Слева, справа, с углов его, сзади
По периметру рвом обнесли –

Кабеля, мол, какие-то тянем,
Вроде всё оно в графике, в плане,
Трубы чиним, которых не счесть!
Молчалива, мрачна, как могила,
В чёрных масках охрана ходила
Вдоль траншей. Карнавал он и есть.

Мы завод, получилось, в заводе, –
Что-то строят они там, городят, –
Пыль стеной. И в окно из-за штор
Мы глазеем на них исподлбья
И в башке, словно снежные хлопья,
Мысли кружат: а дальше-то что?

Только не был бы Лёнька собою,
Если б он, примирившись с судьбою,
Согласился сидеть, не бузить.
Он в здоровом уме, не по пьяни,
Вертолёт вместе с лётчиком нанял,
Чтоб по небу товар вывозить.

И вот они летят на «МИ-четыре»,
На старой развалюхе груз везут!

Аплодисменты! Лёнька – лучший в мире!
Он сделал всех, он правда очень крут!

Сквозь облачную дымку озирая
Родные близлежащие края,
Он им махал: «Привет тебе, родная
Земля многострадальная моя!»

И небо, словно серое болото,
Его как будто хочет поглотить.
Сплошная грусть. И он сказал пилоту:
«Послушай, парень, дай мне порулить!»

Тот согласился, надо ж быть такому!
И Лёнька как-то враз повеселел,
Полёт пошёл немного по-другому,
Заманский – он и в небе тоже смел.

Хотя и дурковат. Но это ж Лёня, –
Природные красоты, весь пейзаж
Он сверху оглядел и сразу понял,
Что уважает высший пилотаж.

И он над стройкой вражеской кругами
На бреющем летал и не глядел,
Как на панели лампочки моргали

И как пилот тихонечко бледнел.

Ему хотелось камнем рухнуть наземь
На тех, кто объявил ему войну:
«А ну-ка я винтом по ихней связи –
По крышам, где антенны, рубану!

Стальной мой конь, железная громада,
Бывает и упёртым, как баран,
С ним очень даже можно, если надо,
Исполнить показательный таран!

Так знай же, мой противник, гад ползучий,
Я на него вполне могу пойти,
Тут главное прицелиться получше,
Ну, чтоб не сбиться с верного пути!

И враг уже не выпьет за победу,
Когда я в территорию его
Возьму и врежусь, крикнув напоследок:
Россия, помни сына своего!»

Потом уже, при виде тучи чёрной,
Навстречу ей, собрав запасы сил,
Он газануть пытался рефлекторно,
Но вовремя себя остановил.

Короче, покуражился легонько:
Пусть знают те, кто надо, что почём,
Что ко всему вдобавок друг наш Лёнька
Является воздушным лихачом!

«Пускай теперь трепещет враг бесстыжий, –
Он погрозил, – я к вам вернусь опять!
Не только Бог, я тоже правду вижу.
Небесной кары вам не избежать!»

-25-

Что сказать – вариантов навалом,
Если Лёнька сидит за штурвалом,
Много схем для манёвра во мгле,
Для отпора различным злодеям,
Чтобы помнить всегда и везде им,
Что не вечны они на земле!

Мы продукцию нашей литейки
Не сказать, чтобы всю, до копейки,
Нет, напротив, немножко, чуть-чуть
Этим Лёнькиным рейсом сумели
Без задержки доставить до цели –
Вот такой наш особенный путь!

Позже стало известно, однако:
Имитируя с неба атаку
На позиции вражеских сил,
Лёненька часть драгоценного груза,
Словно шар в бильярдную лузу,
Прямо к ним в котлован положил!

Не нарочно, конечно, но всё же...
У людей там морозец по коже
Пробежал так, признаться, слегка –
Неприятный такой холодочек
Проскользнул от печёнки до почек,
Аж у всех закружилась башка.

Их коллектив, сплочённый и матёрый,
Задумался на тему, как им быть,
Они прислали к нам парламентёра
Мол, так не честно – сверху нас бомбить!

Давно уже у нас по умолчанию –
Что хоть порой бываем мы грубы,
Но есть оно, взаимопониманье:
По ходу споров – никакой стрельбы!

Тем более, бомбёжек. Вы сдурели –
Ронять на нас чугунное литьё?

Ведь мы-то вас не держим на прицеле,
Не тешим самолюбие своё!

«Прости, – сказал майор, наш главный спикер, –
У Лёньки вышел в воздухе эксцесс,
Ему мешали солнечные блики,
Он плохо видел вас из-под небес.

У нас в башке по общей с вами схеме –
Холодная война. И хрен бы с ней.
Бомбардировки – это мы отменим,
А вот с самим Заманским всё сложнее.

Он может вашу стройку протаранить,
Он сущий псих, когда бывает зол.
Уже и академик нами нанят,
Чтоб катапульту Лёньке изобрёл.

Он вашу участь с вами не разделит,
Он всё продумал, надо полагать,
Не идиот же он, на самом деле,
Чтоб вместе с вами в пекле погибать!

Я объяснить могу единым разом:
Кто б ни был ты, слуга или король,
Но, как молитву, выучить обязан,

Как дважды два, как до-ре-ми-фа- соль,

Что, если загоняешь зверя в угол,
Такого, как Заманский, значит, всё, –
Он сотворит из вас вороньих пугал,
И он башку не просто вам снесёт, –

Молниеносно – вот как это будет!
Он с молниями дружит, наш вожак,
И в случае тарана бойтесь, люди,
Летящих врассыпную железяк!

Давно уж никакой не страшен кризис,
Как минимум, ему с тех самых пор,
Как он стоял на палубе в круизе
Всем грозам и ветрам наперекор.

А то и раньше, в школьных коридорах,
Когда он грудью через «не могу»
На подлецов бросался, у которых
Была одна извилина в мозгу.

Его кипучей страсти нет предела,
Когда он надевает свой берет.
Мы с ним не можем ничего поделать.
Не злите Лёньку – вот вам наш совет!»

Лёнька здесь же сидел, тихий, грустный,
Встал, прокашлялся, пальцами хрустнул:
«Ладно, парни, шабаш, перерыв –
Пять минут». И кивнул визитёру:
«Не такие уж мы бузотёры.
А какой у тебя конструктив?»

Что ещё за душой, кроме жалоб,
Есть у вас, нам понять не мешало б,
Ты у боссов своих уточни.
Время есть. Пять минут – это много.
Да хоть шесть, подождём, ради бога,
Ну, а дальше уже извини.

Будь здоров, если нет предложений».
Тот в ответ: «Хоть талант вы и гений,
Как начальство моё говорит,
Но успели уже позабыть вы:
Очень острый вопрос, вроде бритвы,
На повестке сегодня стоит.

Вам прозрачно опять намекают,
Что по-честному вас отпускают –
Всю команду: гуд бай и пока!

Что тут хитрого? Вы – на свободе,
Мы – при деле, при вашем заводе,
Он теперь будет наш, на века!»

Такой вот нам озвучен ультиматум.
Да, прямо скажем, выбор невелик.
На что уж Сашка стойким был солдатом,
И тот слегка согнулся и поник.

И Катька, егоза и непоседа,
Чтоб Лёнькин гнев немного остудить,
Попробовала даже напоследок
Парламентёра малость пристыдить:

«Чужое взять задаром, за «спасибо»
Оно в уме, начальство-то твоё?»
А он в ответ: «У вас такая прибыль,
Что глупо игнорировать её!»

Не то чтобы мы так уж обалдели
От наглости его и простоты,
Да нет. Мы с ним расстались на неделю,
На всех воротах выставив посты.

Заманский из себя вождя не корчил,
Хотя и Че Геварой был на вид.

А то, что тот в итоге плохо кончил,
Так это ни о чём не говорит.

Но хоть он и красив на киноплёнке,
С какой ты ни посмотришь стороны,
Герои, чтоб ровняться с ними, Лёньке
Свои, родные всё-таки нужны.

Идей, как говорится, полный кузов:
Вот дать ему подзорную трубу
И глаз подбить – ну вылитый Кутузов,
Свой тяжкий крест несущий на горбу.

Мол, жечь, не жечь Москву, решишь поди-ка,
Точней, завод наш, все его цеха,
А после с вертолёта побибикать
И соскочить подальше от греха!

«А что? – майор подпрыгнул, – и нормально!
И кулаком себя ударил в грудь:
Пусть, как бы это ни было печально,
Диверсия – единственный наш путь!»

Мы это Лёньке в красках расписали,
Как пламя лижет красным языком
Сырёе, станки, запчасти, все детали,

Как всё летит куда-то кувырком.

-27-

«Лёнь, ты чувствуешь, жареным пахнет?

Если мы подзорвём всё тут на хрен,

То не так будет грустно терять

Всё, что мы тут с тобою нажили,

Прежде, чем они нас окружили.

Вот уже и проверки опять

Понеслись, чтоб им всем! – как и раньше,

Покатили, как танки на марше!»

И Витюха, плясун из Москвы,

Что дорос до начальника сбыта,

Нам сказал: «Чья и где карта бита,

Это, в общем-то, ясно, увы!

Сколько тонн увезёшь вертолётom?

«МИ-четыре» берёт их всего-то

Полторы или даже одну.

Мы же всё понимаем, ребята,

Дохлый номер – дурить супостата,

Если бизнес стоит на кону».

И в окно, словно серая пума,

Туча, сволочь, глазела угрюмо,

И туман над заводом висел,
И шлагмаум на въезде, скотина,
Нам казался уже гильотиной.
Мы повесили нос. Но не все.

«Мы сильнее, и враг нам не страшен!» –
Это Катька, красавица наша,
Нам идею в мозги, словно гвоздь,
Словно в сердце заточку воткнула,
Словно в рот револьверное дуло:
«Где они, ваши сила и злость?»

Она сказала: «Мы найдём управу
На эту обезумевшую рать.
Предупреждаю: лично мне по нраву
Их с воздуха в упор атаковать!

Но тут не разберёшься без бутылки,
Извилины сотрутся в порошок, –
Идея – в изначальной предпосылке,
Что вертолёты – это хорошо.

Чтоб не возить по небу арматуру,
А обозначить линию огня,
Я, может быть, и выгляжу, как дура,
Но вы сперва дослушайте меня!

Я раньше цифры всякие, не скрою,
Считала враскосяк, была беда,
В сомножителях путалась порою,
В сожителях при этом – никогда!

Теперь смотрю на мир гораздо шире,
Веду складской и прочий весь учёт.
Витюха прав: убитый «МИ-четыре»
Едва ли больше тонны увезёт.

Меня саму, порой, признаюсь, бесит
Грузоподъёмность низкая его,
А взять в аренду штук хотя бы десять!
И я сейчас скажу вам, для чего.

Уныние, растерянность, бессилье,
Уже всё это будет не про нас.
От нашей вертолётной эскадрильи
У них слеза покатится из глаз! –

У этих всех проклятых изуверов,
Что душат нас и топчут на корню,
Стяжателей и коррупционеров,
Ворующих по двадцать раз на дню.

Вот хрен им, а не наши бастионы,
Лён, ты Кутузов, правда, зуб даю!
А мы такие все Багратионы,
И наша жизнь – с тобой она, в бою!

Да, мне самой всё это интересно, –
Быть, типа, в гуще, а не в стороне,
Но лучший бой, и это всем известно, –
Который состоялся лишь во сне.

-28-

Как-то в школе ещё, в старшем классе,
Философией я увлеклася,
Размышлять начала головой
И скажу: мы обязаны с вами
Выражать научиться словами
То, за что мы бросаемся в бой.

Предположим, ты что-то имеешь,
Хоть реально, как мы, хоть в уме лишь –
Как они, что хотят всё забрать,
Всё отцапать у нас за бесплатно,
И уже не пойдут на попятный,
Так как цель их одна – воровать!

Мой подход – он за гранями фола,

Может быть, это ересь, крамола,
Но вопрос-то стоит всё равно,
Смысловая какая-то каша
В нём видна: а вот это вот наше
Производство – зачем нам оно?

Как засохшая грязь на асфальте,
Злость в душе у нас. Братцы, давайте
Стороной мы её обойдём.
Нас хотят обокрасть. Да, понятно.
Всё, допустим, ушло безвозвратно –
Что утратим и что мы найдём?

Пусть завод – наша лодка, в которой
Мы плывём, рассекая просторы,
И чего бы сто лет ей не плыть?
Но она неизбежно потонет,
Если в сутки всего лишь по тонне
Вертолётами сталь вывозить.

Народ, проснись, любезный, будь так ласков, –
Я буду повторять на все лады, –
Заводу крышка, если под завязку
Товаром переполнены склады.

Да, славно хорохорился майор наш,

Ну прямо сказка на ночь перед сном –
Что ты их, Лёня, досыта накормишь
Каким-нибудь огнём или свинцом.

Но всё же моя версия другая:
Хоть ты у нас агрессор и тиран,
Навряд ли их серьёзно испугает
Один гипотетический таран.

И мне ввиду проделанных расчётов
Все цифры окончательно ясны,
Что восемь или десять вертолётов
Сговорчивыми сделать их должны.

Я так и вижу их кривые лица:
В них страх как будто въелся, словно грим.
Но надо знать, о чём мы сговориться
С преступной этой сволочью хотим.

Мне даже и такой расклад не страшен –
Заместо чтобы плакать и рыдать,
С учётом эскадрильи этой нашей
Завод за очень дорого продать.

Не век же нам теперь под ними ползать.
Тут вместе надо думать, слышишь, Лёнь? –

От мозгового штурма только польза,
Хоть тыщу раз велик ты и силён.

В любое время планы всех сражений
Без перекрёстной критики мертвы!»
И он ответил: «Нету возражений,
Зови сюда всех наших из Москвы!»

...Страна своих героев не забыла.
Вернее, Лёнька помнит, что к чему –
Два дружбана, Кувалда и Зубило,
На поезде приехали к нему.

Колян подгрёб, противник всякой драки, –
Он с нами рядом, коль пришла беда, –
Впоследствии российский главный хакер,
Не пойманный нигде и никогда.

-29-

И Андрюха, что Сашкин напарник,
С той промзоны, умелец, ударник,
Что без нас тот ангар превратил,
Поучившись командовать с годик,
В небольшой интересный заводик,
Тоже к нам на совет прикатил.

Дисциплина, однако. Ни грамма
Никому раньше срока, пока мы
Закусь резали, чтоб её съесть,
И наружу столы выносили,
Чтобы сложную тему осилить,
В суть вопроса внимательно влезть.

Мы давно наблюдали за Лёнкой:
Он заботой своей, как зелёной,
Может рану любую прижечь –
В смысле рану души, да и тела, –
Посмотреть так в упор очумело
И задвинуть весёлую речь!

«Эй, ребята, мы высшая лига, –
Вот уже он её нам и двигал, –
Наш удел – пьедестал, первый ряд!
Мы вложили и деньги, и душу
В этот край, где нас резать и кушать
С потрохами со всеми хотят.

Решить сегодня надо, – он продолжил, –
Ну, завтра там, ну, день ещё, другой –
Не то завод продать нам подороже,
Не то вступать с врагами в смертный бой –

Не танковый, коммерческий всего лишь,
Но можно и свободу потерять –
Когда глядишь в окно и Бога молишь,
Чтоб полетело время наше вспять.

Чтоб снова всё вертелось и крутилось,
Чтоб ветераны были все в строю,
И молодёжь по-честному трудилась
И перспективу видела свою.

Итак, враги губищи раскатали,
Привычные к большому грабежу,
Бессовестно продумав все детали;
Вот хрен им по всей морде! – я скажу.

Им даже, проходимцам, и не снилось,
Какие провернули мы дела,
Чтоб больше аргументов появилось
У нас за ту неделю, что прошла.

Другой набор раскладов и расчётов,
Другие нынче правила игры:
У нас в аренде десять вертолёттов,
А это не хухры тебе мухры.

Стоят себе спокойно, словно мебель,

И в ус не дуют, нет у них усов,
И где-то облака в закатном небе
Плывут навроде алых парусов.

Туда б сейчас! Друзья мои, ребята,
Взлететь хочу! Душа моя в огне!
Я фильм смотрел однажды, «Авиатор»,
Героя бы того на пару мне!

Ну, а сперва обсудим для начала,
Продать завод нам или не продать.
Нам Катерина правильно сказала:
Здесь без бутылки трудно рассуждать.

-30-

Спорьте, братцы, по смыслу, по сути
Шкурой, сердцем, нутром голосуйте,
Коллективному верьте уму,
Он вам верную службу сослужит,
Я вас буду внимательно слушать
И решение лично приму».

Споры, крики, знакомое дело,
Тридцать пять человек нас сидело,
Как на Сашкиной свадьбе тогда.
Мы четыре часа заседали,

Даже Колька слегка поскандалил,
Что он раньше не ездил сюда.

«Тут вопрос назревает коварный, –
Нам сказали Зубила с Кувалдой,
Мы в литейку зашли, как на фронт, –
Мы весь цех перебрали до гайки,
И как есть говорим, без утайки –
Надо вкладывать деньги в ремонт.

Фронт не фронт, а развал капитальный,
Хорошо хоть, фурычат нормально
Позапрошлого века станки,
А вот с новыми вечно морока,
Что впадают в маразм раньше срока
И кряхтят, как во сне старики».

...А с посланцем, что был здесь с визитом,
С виду сволочью и паразитом,
Вновь мы встретились. Он к нам пришёл
Раньше на день, чего-то напутав, –
Видно, сбился с прямого маршрута.
Ну, раз так, то садись, вон, за стол!

Парламентёр махнул пятнадцать рюмок.
Динамика процесса такова:

Он пил сосредоточенно, угрюмо,
Пока не отказала голова.

Но он вернулся в прежние границы:
Мадеру лакируя коньяком,
Пошагово сумел восстановиться –
Частично, а потом и целиком.

Он протрезвел – не в два конечно, счёта,
Но вроде как огурчик стал опять:
«Мы всё-таки могём ещё чего-то,
Нельзя нас так огульно презирать!»

«Кривое это здешнее пространство, –
Сказала Катька, – лажа и отстой,
Но если кто-то пьянство лечит пьянством,
То человек он точно непростой!»

Эй, ты, кончай дружить со сволочами,
Там только дурь и подлость впереди,
А если ты такой необычайный,
Бросай их на хрен, к нам переходи!

На вертолёте, слышь, тебя прокотим!»
А он в ответ: «Ну как я перейду?
Тогда я стану дичью на охоте,

В сосновой роще смерть свою найду!»

«Ну нет так нет, – Заманский подытожил, –
Я всё решил. Иди скажи своим,
Что нам держать завод – себе дороже,
За пятьдесят «лимонов» отдадим».

Тот поперхнулся жареной тефтелей:
«Ну ладно, три там или даже пять,
Да мы и их давать-то не хотели,
Планировали даром всё забрать».

«А вертолёт видишь? – мы спросили, –
Вам есть чего терять, ты знаешь сам:
Кто в воздухе, в полёте, тот и в силе,
А кто внизу, тому и место там!

И никакого смысла понтоваться,
Вам всё равно не светит ни черта!
Могли бы и поинтересоваться
Диаметром несущего винта.

А лучше катапультной – той, которой
Учёные для нас изобрели!
Братишка, позабыть уже бы впору,
Какие вы такие короли!»

Он представил доклад хитромудрый
Важным боссам своим. А наутро,
Как ошипанный жалкий птенец,
Весь помятый какой-то, несчастный,
К нам вернулся, сказал: «Мы согласны
Все вопросы решить, наконец.

То, что все вы специальные люди
Сплошь и рядом, и торга не будет,
Что Заманский на принцип пошёл,
Понимают мои толстосумы».
Чудеса! Нам наутро всю сумму
Их бухгалтер на счёт перевёл.

Кто-то спросит меня: почему ты
Обозначить не хочешь валюту –
Ту, в которой вам деньги пришли? –
Фунты стерлингов, доллары, что там
По итоговым вашим расчётам –
Лиры, франки, юани, рубли?

Мой читатель, поверь, мне секреты
Лень хранить. И желания нету
Нашу сделку туманом покрыть

Или мраком каким-то окутать,
Просто я не хочу тебя путать,
В курс валют с головою зарыть.

Мы всё вокруг слезами замочили,
Что стало трудно жить у нас в стране,
Но бонусы такие получили,
Каких мы не видали и во сне.

Да, нелегко задать такую планку.
Наш славный коллектив её задал.
Во все свои бинокли нашу пьянку
Противник накануне наблюдал.

Он понял: ничего мы не боимся!
И уж его-то точно меньше всех,
А, значит, мы в итоге сговоримся
Без всяческих препятствий и помех!

Так всё и вышло. Быстрый и короткий
Был путь до сделки. Вновь нам пировать.
Мы только-только съехались на сходку,
А уж пора отвальную давать.

И хоть мы все выносливы, как кони,
И хоть я парень с виду не дурак,

Экзотику не сразу эту понял –
Сходняк, переходящий в отходняк!

И в этом вот подобном положении
Поди пойми, чего нам отмечать –
При том, что ты провал и поражение
Не должен от победы отличать!

Да, так и было сказано поэтом,
Который дело тугο знал своё,
А у поэтов где-то в голове там
На этот счёт особое чутьё:

(«Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но поражение от победы
Ты сам не должен отличать».
Б.Пастернак)

Одни тебя ругают зло и строго,
Другие превозносят до небес,
Одни орут, что ты – избранник Бога,
Другие – что придурок и балбес.

Такая жизнь у них, а что поделать?
Терпи, уж если в руки взял перо!

Иди вперёд уверенно и смело,
Твори, художник, благо и добро!

Вот так и мы – пахали, шли, творили,
А что завод захапали у нас –
Так мы, выходит, тоже победили!
Деньжищ-то вон теперь какой запас!

Их можно запустить в любое дело,
А можно и потратить не спеша, –
Кому что ближе. Главное, чтоб пела,
Плясала и куражилась душа.

-32-

Свежий воздух. Сентябрь. Ветерочек.
В темпе, слаженно, без проволочек
Мы за те же садимся столы.
«Что сказать? Отходняк – это свято,
Так наполним бокалы, ребята
Пьём за жизнь! Веселее, орлы!» –

Это Лёня нам клич такой кинул,
Он беретку на брови надвинул,
И добавил: «Ребята, за вас!
Пусть земля эта будет свободной,
И счастливой, и мирной! – ну вот вам

В общем виде мой главный наказ!»

Мы в подсвечники вставили свечи.
«Что ж, друзья дорогие, до встречи!»
Нам начальник таможни сказал.
Он нормальный, ему здесь уместно
За альянс наш проверенный, тесный
Осушать полновесный бокал.

А ещё он партнёр и приятель
С прокурором. Вот так, мой читатель.
И не в минус им это, а в плюс
Можно смело поставить обоим,
Брагу пить из бадьи не слабо им.
Отходняк был прекрасен, клянусь!

Наутро было трудно просыпаться,
Но всё же мы смогли пораньше встать,
Чтоб с вертолётным парком разобраться –
Пора его владельцу возвращать.

Санёк принёс бухгалтерские счёты –
Мы их-таки хранили взаперти,
Мы полчаса считали вертолёты,
И вышло девять вместо десяти.

Мы к Лёньке, как к эксперту, обратились:
А ты нам комментарии не дашь?
Когда мы с вечеринки расходились,
Ты гладил вертолётный фюзеляж –

Мол, конь стальной, прощай, – ты ахал, охал.
В лесу, в болоте, в речке, в спелой ржи –
Ты где его в итоге размудохал,
И как ты жив остался-то, скажи?

Он весь такой: да как-то я не знаю,
И даже знать особо не хочу,
Но если уж вопросы возникают,
То я пропажу лично оплачу.

Похоже, он, спасаясь от печали,
Последний совершил-таки полёт,
Пока мы за победу выпивали
Или за проигрыш, чёрт нас разберёт!

Он с техникой обычно осторожен,
Не то, чтобы он варвар и вандал,
Но, судя по его разбитой роже,
Он катапульту всё же испытал.

Куда-то там спикировал в тумане,

Да спел ещё «Катюшу» на ходу.
Ну это да. Какие россияне
Не уважают быструю езду?

Конечно, он впоследствии признался,
Что под покровом ночи, в темноте
Взлетел, поднялся ввысь, не удержался,
И рычаги какие-то не те

Не так тягал и рухнул в пруд-отстойник,
И еле выгреб из последних сил,
А конь стальной теперь уже покойник –
Во мглу ушёл, на дно, в болотный ил.

-33-

Вот и время домой собираться.
Дело сделано. Жаль расставаться
Нам с землёй этой нашей, родной.
Да, родной она стала, ей-Богу.
Но пора отправляться в дорогу.
Эй, завод, будь здоров, дорогой!

Вот такие дела, мой читатель.
Ни цветов, ни прощальных объятий –
Были сдержанны наши дружки,
Словно сабли засунули в ножны, –

Прокурор и начальник таможни
Прикусили свои языки.

Мол, нам жить ещё здесь, извините,
Мы за правду, за вас, но поймите:
Сложно всё. Мы в ответ им: «Пока.
И спасибо, что вы в этом деле
С ними в дудку одну не дудели,
Что цела у обоих башка».

И завхоз, старый дядька из местных,
Что весь срок пропахал с нами честно,
Руку каждому лично пожал,
Так, что пальцы у нас захрустели,
Да и он, чуть согнувшийся в теле,
Еле-еле слезу удержал.

И вот машины мордами на трассе
Ныряют в тучи смога, как в мазут.
В обратный путь – в столицу, восвояси
Нас те же два автобуса везут.

Мы со вчера оставшиеся вина
В салонах распиваем. Красота!
А всё, что было, и наполовину
Не поняли пока что ни черта.

«Друзья! Определиться не пора ли, –
Сказал майор, наш вечный тамада, –
Мы выиграли или проиграли?
Я расскажу вам. Слушайте сюда!

Со стороны на игры наши глядя,
На комплекс всех проделанных работ,
Я вижу: мы не только не в накладе,
А сняли, чтоб вы поняли, джек-пот!

Всё классно, братцы: нас не посадили!
За что? вопрос дурацкий, ни о чём, –
Как на стекле букашку, не прибили,
Не грохнули в подъезде кирпичом.

И, кстати, ни к инфаркту, ни к инсульту
(А это всё серьёзные дела),
Испытанная Лёнькой катапульта
В итоге никого не привела!

Господь сумел предметно догадаться,
Что парень он довольно молодой,
Чтоб там на дне навеки оставаться
В отстойнике с технической водой.

Ещё вот прокурор не шёл на подкуп,
Чтоб нас мочить со всеми заодно».
...Майор обрисовал картину чётко.
Он прав. Но как-то грустно всё равно.

-34-

И на стёклах автобусных лихо
Хуже всякого буйного психа
Дождь плясал гопака и хип-хоп,
С неба снежная крошка летела,
И вдали завывал оголтело
Ураган, забулдыга и жлоб.

И мотор барахлил с перепугу.
И бутылки гуляли по кругу,
И беседа, как речка, текла,
И «мартини» – вкуснейшее чудо
Нам ввиду недостатка посуды
Приходилось глушить из горла́.

Вроде глюками я не страдаю,
И с ума не сходил никогда я,
Но уже ощущаю слегка
В мозге дрожь, трепыхание в сердце –
Из-под кучи шмотья возле дверцы
Показалась в перчатке рука!

Эй, ау, человек! Нет ответа.
Никого там, выходит, и нету?
А рука чья тогда? Не пойму.
Не нога же она, знамо дело,
Чтоб прийти к нам в отрыве от тела,
Если так рассуждать по уму.

Нет, не ошибка здесь, не опечатка.
Всё так и было: дождь в окне, гроза,
Когда вот эта чёрная перчатка
Попалась мне случайно на глаза.

Я видел в этом некую интригу
И даже на мгновенье захотел
Немного по-другому свою книгу
Назвать с учётом странных этих дел.

Я помечтать успел в охотку, вдосталь,
Что вот и презентация близка –
Знакомьтесь, мол, роман о девяностых.
Сергей Киреев. «Чёрная рука».

Ещё я вспомнил детские рассказы
И даже заскучал по той поре,
Как нас Тамарка, рыжая зараза,

Страшилками пугала во дворе.

Вот так вот, мол, по городу ночному,
Где не видать фактически ни зги,
Огромные, идут от дома к дому
С малиновой подсветкой сапоги.

И как они бесчинствуют в дозоре,
Нам виделось, и где-то вдалеке,
Казалось, ходит в чёрном коридоре
Колдун зловещий в красном колпаке,

Как в лужах оживают отраженья,
И как кривой коричневый костыль
По морде лупит без предупрежденья
За то, что ты не сдал его в утиль!

Ну, это уже Славка зубоскалил,
Старинный мой товарищ тех времён.
Он, кстати, с нами, здесь, он Лёньке налил:
«Давай за руку выпьем, чемпион!

Видал ли ты когда-нибудь такое?
А если да, то вряд ли каждый день!
Махнём за то, что нет нам всем покоя,
За эту вот невиданную хрень!»

Заманский нам сказал: «А ну, короче!
Долой дурные мысли из башки!
Нам надо интеллект сосредоточить
На поисках хозяина руки!»

-35-

Мы, немного слегка опасаясь,
Потянули перчатку за палец.
Есть! ПошлО! Вот и тело уже
Из-под груди шмотья показалось,
И, хотя оно там упиралось,
Стало легче нам всем на душе.

Человек был живой, хоть и сонный, –
Пьян, конечно, и взгляд удивлённый,
И усмешка висит на губе:
«Что не так? У меня всё прекрасно».
Нам про руку уже стало ясно,
Что она не сама по себе.

А не то мне пришлось бы поверить
В синих призраков, в чёрные двери,
В сапоги, костыли и кресты,
Что по кладбищу сами собою
Ходят ночью, не зная покоя,

Что-то ищут среди темноты.

Человек, что предстал перед нами,

Осознал обстановку и замер:

«Во попал так попал, ну и ну!»

Мы сочли его психом вначале,

А когда присмотрелись, узнали,

Словно сбросили с глаз пелену.

Нет, не простой какой-то оборванец

Без спросу к нам проник в глубокий тыл,

А он тот самый вражеский посланец –

Парламентёр, который с нами пил!

«Ты здесь чего?» А он: «Звездец котёнку!

Ну, то есть, всё, пришёл мой чёрный час!

Найдите мне, прошу вас, работёнку,

Уж больно, братцы, весело у вас!

Он, как гармошку, лоб высокий морщит –

Ну, чистый Ленин! – в кепке, в бороде:

«Я провалился как переговорщик

Мои друзья найдут меня везде!

Там нету ни понятий, ни законов,

А лишь одна безумная брехня!

Боюсь, что сорок девять миллионов
Они теперь повесят на меня!

Я пригожусь! Друзья, не выгоняйте!
Я шустрый, я вам пользу принесу!
Иначе я погибну, так и знайте,
Меня зверьё сожрёт в глухом лесу!»

Зубило и Кувалда встрепенулись:
Ну что его – высаживать теперь?
Сплошная глушь вокруг, и нету улиц,
Его и впрямь завалит дикий зверь!

Он жизнью измордован и искромсан,
Он от дружков своих ушёл в побег.
Пусть едет с нами. После разберёмся.
Парламентёр – он тоже человек!»

«Да хрен с тобою, пей, вина в избытке, –
Сказал ему Заманский Леонид, –
А уж какой подвижный ты и пряткий,
Работа это быстро прояснит.

Ты можешь постучать в любые двери,
В Москве тебе открыты все пути,
Но только знай: Москва слезам не верит,

Пахать придётся сутками, учти».

-36-

Да, команда у нас непростая.
Мы в дороге числом прирастаем.
Так, глядишь, к нам приедут в Москву
Прокурор и начальник таможи,
Да и заживо гнить сколько можно?
Если что, я их сам позову.

Катька тостами Лёньку терзает:
«Нас подъём, новый взлёт ожидает,
И ни пуха нам всем ни пера!
А что прбдали им свой актив мы,
Всё равно это всё позитивно,
Даже хочется крикнуть: «Ура!»»

Самый главный герой, как никто, ты –
Так как денег нам дал заработать,
Эх, не зря мы ложились костями!»
Только гость наш за банкою пива
Усмехался печально и криво:
«Ты ещё их со счётаними!»

Это после пойдут навороты.
А пока по итогам работы

Очень даже неплохо оно –
То, что мы по деньгам ожидаем
И примерно уже представляем,
Где нам их промотать суждено.

Ну, вот уже подходит понемногу
К финальной точке наш обратный путь,
И я хочу эпиграф к эпилогу
В блокноте напоследок черкануть.

«Блажен идущий в бой!» – такой эпиграф.
Конечно же, он Лёньке посвящён,
Как, впрочем, весь роман. Все эти игры
С металлом и огнём придумал он.

Да, в нашей жизни раньше не бывало,
Чтоб столько сразу всякого огня
Пылало в ней, и столько же металла
В ней громыхало. Даже у меня.

Однажды я от страха чуть не помер,
Сражённый гулом, грохотом, огнём –
На службе, на Плесецком космодроме
Увидев пуск. Но здесь я не о нём –

Я о друзьях, о Лёньке, о работе,

О нашей жизни речь свою веду,
О сумасшедшем том круговороте,
Когда завод был в силе, на ходу.

Мы сделали, выходит, что хотели.
Пусть этот год – всего лишь краткий миг,
Но Лёнька наш своей заветной цели
Хотя и ненадолго, но достиг.

А что за цель такая? Да всего-то –
Чтоб у людей наладилось житьё,
И чтоб у них всегда была работа,
И деньги чтоб платили за неё.

Чтоб наконец-то с нового абзаца
Моё повествование пошло,
И чтобы негодяев и мерзавцев
В нём было минимальное число.

Я ж, как-никак, историк, летописец.
У Лёньки цель – чтоб принцип был забыт:
«Нам хорошо, а вы хоть утопитесь!»,
И чтоб любой подлец и паразит –

Из тех, что за копейку продавались,
Не смыслящие в жизни ничего,

С нормальными людьми чередовались
Ну пусть хотя бы через одного,

И чтобы дом культуры был открытый,
На это денег можно дать всегда,
И чтоб майор, зашитый ли, расшитый,
Не пропадал с дружками без следа

На всяческих сомнительных охотах,
Хоть и важны дружки его для нас.
Но нам-то надо, чтобы он работал,
А не палил по зайцам с пьяных глаз.

Ещё у Лёньки цель – чтоб без обмана
В России нашей делались дела,
И всё у нас нормально шло, по плану,
Ну, в общем, чтобы Родина жила.

А теперь эпилог: ой, не слабо
Мы размялись. Пора уж слегка бы
Отпуск, что ли, какой-нибудь взять.
«Пара дней, не вопрос», – Лёнька скажет,
Даже точное место укажет,
Где нам новый завод изучать.

Неплохая в столице погода.

Мы вернулись домой из похода.
Ну, привет тебе, город родной!
Целый год мы несли свою вахту,
И гремел он не с бухты-баракты,
Наш прекрасный и яростный бой!

Мой читатель, пора нам прощаться.
Дни весёлые быстро промчатся,
Эта книга – тебе мой привет.
Может, это затея пустая –
Потихоньку страницы листая,
Вспоминать нас, а, может, и нет.

Я скажу, может быть, неумело:
Мой роман – он о том, что нам делать, –
То и делать – такие дела,
Куда люди до нас не совались,
И чтоб вместе мы все оставались,
И в бою никогда не сдавались,
И чтоб Родина наша жила...

Ноябрь, 2018 – февраль, 2019

Автор обложки: Е.Юркова, фотоматериал: Л.Кикоть